

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

HUMANITARIAN ACCENT

№ 2

Political institutions and processes
in the context of global transformations

Scientific quarterly

Moscow 2021

ГУМАНИТАРНЫЙ АКЦЕНТ

№ 2

Политические институты и процессы
в условиях глобальных трансформаций

Ежеквартальный научный журнал

Москва 2021

Редакционный совет

А.Б. Безбородов, *д-р ист. наук, проф.* (председатель)

Н.И. Архипова, *д-р экон. наук, проф.*,

Л.Н. Вдовиченко, *д-р социол. наук, проф.*, В.Д. Губин, *д-р филос. наук, проф.*
Гудрун Ершов, *доктор* (Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия)

Г.Г. Ершова, *д-р ист. наук*, В.И. Заботкина, *д-р филол. наук, проф.*

Г.И. Зверева, *д-р ист. наук, проф.*, И.И. Исаев, *канд. филол. наук, доц.*

В.А. Колотаев, *д-р филол. наук, проф.*, Н.Л. Лепе, *канд. физ.-мат. наук, доц.*

А.П. Логунов, *д-р ист. наук, проф.*, Б.И. Медведев, *канд. экон. наук, доц.*

С.Ю. Неклюдов, *д-р филол. наук, проф.*, О.В. Павленко, *канд. ист. наук, доц.*

Н.В. Ростиславлева, *д-р ист. наук, проф.*, И.С. Смирнов, *канд. филол. наук*

А.А. Столяров, *канд. ист. наук, доц.*, П.П. Шкаренков, *д-р ист. наук, проф.*

Редакционная коллегия

Е.А. Долгова, *гл. ред., канд. ист. наук, доц.*;

И.П. Азерникова, *канд. ист. наук, доц.*, П.А. Алипов, *канд. ист. наук, доц.*;

Ю.Г. Бит-Юнан, *канд. филол. наук, доц.*, Н.А. Комочев, *канд. ист. наук, доц.*;

Е.А. Косован, *канд. ист. наук, доц.*, И.С. Курилович, *канд. филос. наук, с.н.с.*;

С.С. Новосельский, Е.П. Охалкина, Н.В. Петров, *канд. филол. наук, доц.*;

Н.С. Петрова, *канд. филол. наук, н.с.*, Л.А. Печищева, *канд. ист. наук, доц.*;

Н.А. Филин, *канд. ист. наук, доц.*, Л.С. Холкина, *канд. филол. наук, с.н.с.*

Ответственный за выпуск

С.П. Донцев, *канд. полит. наук, доц.*

СОДЕРЖАНИЕ

Теория политики

- С.П. Донцев*
Предисловие 9
- А.И. Торопова*
Концепция «нелиберальной демократии»
и потенциал ее практической реализации 11
- М.С. Сопот*
Концепция контрдемократии Пьера Розанваллона
и примеры ее реализации 19
- А.А. Белянин*
Место и роль Азиатско-Тихоокеанского региона
в геополитической картине мира 26

Политические процессы и технологии

- М.А. Канифатов*
Особенности и перспективы новых технологий голосования,
примененных в Российской Федерации в 2019–2020 гг. 31
- И.В. Бондарев*
Влияние протестов “Black Lives Matter”
на президентскую гонку в США в 2020 г. 36
- А.В. Бусыгина*
Изучение демократического транзита в Бразилии
в контексте концепции воронки причинности 42

Государственная политика

- А.В. Манохина*
Институционализация лоббистской деятельности
в Российской Федерации 48
- М.А. Никольский*
Перспективы развития европейской оборонной политики 53

Политические коммуникации

<i>А.В. Шаповалова</i> PR-технологии в коммуникационном сопровождении непопулярных политических решений	58
<i>А.П. Драницына</i> Риторика убеждения и невербальные приемы самопрезентации в современных политико-коммуникационных процессах	63
<i>Т.В. Ткаченко</i> Онлайн-деятельность российской оппозиции в социальных сетях	69
<i>С.Д. Тайлер</i> Национальный брендинг как элемент конструирования позитивного имиджа государства	75
Abstracts	81
Сведения об авторах	90

CONTENTS

Theory of Politics

- Sergei P. Dontsev*
Introduction 9
- Alina I. Toropova*
The concept of “Illiberal democracy” and the potential
of its practical implementation 11
- Mikhail A. Sopot*
Pierre Rosanvallon’s concept of counter-democracy
and practical examples of it’s implementation 19
- Aleksandr A. Belyanin*
The place and role of the Asia-Pacific region
in the geopolitical picture of the world 26

Political Processes and Technologies

- Matvei A. Kanifatov*
Features and perspectives of the new electoral technologies used
in Russian Federation elections from 2019 to 2020 31
- Il’ya V. Bondarev*
The impact of “Black Lives Matter” protests
on the 2020 US presidential race 36
- Anastasiya V. Busygina*
Exploring democratic transit in Brazil in the context
of the causality funnel concept 42

Government Policy

- Alina V. Manokhina*
Institutionalization of lobbying activities in Russian Federation 48
- Makar’ii A. Nikol’skii*
Prospects for the development of European defense policy 53

Political Communications

<i>Anastasiya V. Shapovalova</i>	
The usage of PR-technologies in a communications strategy around unpopular political solutions	58
<i>Anastasiya P. Dranitsyna</i>	
The rhetoric of persuasion and non-verbal techniques of self-presentation in modern political and communication processes	63
<i>Tat'yana V. Tkachenko</i>	
Online activities of the Russian opposition in social networks	69
<i>Svetlana D. Tairer</i>	
National branding as an element of constructing a positive image of the state	75
Abstracts	81
General data about the authors	92

Теория политики

С.П. Донцев

Предисловие

Глобальные трансформации современного мира, новые вызовы и угрозы, с которыми сталкиваются политические системы современных государств, с неизбежностью накладывают отпечаток на динамику и содержание политических процессов и приводят к глубоким изменениям ключевых политических институтов. И это касается не только новых функций, которые появляются у традиционных институтов, – сама их структура нередко претерпевает изменения, которые еще не в полной мере осмыслены политической наукой.

Сегодня существует значительное количество научных коллективов и экспертных сообществ, которые успешно развивают данное направление политической науки. Особое место среди них занимает студенческая наука. Студенты и магистранты, проводя под руководством своих научных руководителей анализ политических процессов и отдельных направлений институциональных трансформаций, включаются в научный поиск, приобретают навыки научной работы, формируют себя в качестве политологов. Студенческие же конференции становятся важными коммуникативными площадками, на которых происходит апробация этих исследований.

Новый выпуск журнала «Гуманитарный акцент» состоит из работ молодых исследователей, выступивших с докладами на студенческой конференции «Политические институты и процессы в условиях глобальных трансформаций», которая прошла в Российском государственном гуманитарном университете 9 октября 2020 г. Организатором выступила кафедра теоретической и прикладной политологии ФИПП РГГУ. Основные тематические блоки конференции в целом соответствовали исследовательским направлениям факультета и кафедры. 28 студентов третьего и четвертого курсов бакалавриата, обучающиеся по направлению подготовки «политология», а также магистранты представили результаты своей научно-исследовательской работы. Лучшие доклады были рекомендованы организационным комитетом для публикации в формате научной статьи. Именно они и вошли в настоящий выпуск «Гуманитарного акцента».

В представленных в журнале статьях авторы размышляют о теоретических аспектах, парадигмах, коммуникативных практиках и технологиях, акторах и стратегиях, связанных с политическими институтами и процессами в условиях глобальных трансформаций. Большое внимание в работах уделено вопросам корректного применения специальной терминологии, что обусловлено необходимостью формирования у студентов академической культуры и важностью выстраивания эффективной коммуникации исследователей и экспертов, занимающихся данной проблематикой.

Политические процессы и институты рассматриваются авторами как на глобальном, так и национальном уровнях. В представленных статьях помимо российских сюжетов анализируются кейсы в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Латинской Америке, США и Европе. Представленные в журнале работы объединены в несколько тематических блоков/рубрик. В разделе «Теория политики» представлены статьи, связанные с анализом теоретических аспектов заявленной в конференции проблематики. Здесь рассматриваются концепции «нелиберальной демократии» и контрдемократии, вопросы геополитики. В разделе «Политические процессы и технологии» – статьи, посвященные избирательным технологиям, протестным движениям, демократическому транзиту. Различные аспекты государственной политики в условиях современных вызовов рассматриваются в соответствующем разделе. Традиционно большой интерес у студентов вызывают политические коммуникации. В одноименном разделе помещены статьи о PR-технологиях и коммуникационном сопровождении политических решений, политико-коммуникационных процессах, национальном брендинге и политике в социальных сетях.

В целом проблематика статей имеет не только теоретическую, но и прикладную направленность. Идеи авторов статей формируют проблемное поле для появления новых политологических исследований и, надеемся, получат дальнейшее развитие в рамках студенческой науки.

А.И. Торопова

Концепция «нелиберальной демократии» и потенциал ее практической реализации

Современные реалии позволяют убедиться в том, что «третья волна демократизации» не принесла ожидаемых результатов, и тезис, заявленный Фрэнсисом Фукуямой в «Конце истории», не коррелирует с действительностью. В настоящее время многие государства, некогда охваченные третьей волной демократизации, сталкиваются с кризисом демократии и, следовательно, трансформируются в различные «дефектные» и «гибридные» режимы или используют демократию и присущие ей институты в качестве инструмента легитимации власти, базирующейся на популизме и издержках консерватизма и авторитаризма. В данной статье рассматривается концепция «нелиберальной демократии», выявляются основные характерные черты, сопряженные с соответствующим политическим режимом. С целью продемонстрировать реализацию и функционирование такой «дефектной» демократии в политической практике исследуются кейсы Венгрии и Польши. Кроме того, в работе выявляется потенциал воплощения описываемой концепции на практике, а также анализируются возможные причины, вследствие которых демократизирующимся посткоммунистическим государствам на данный момент так и не удалось установить либеральную демократию. Потенциал установления нелиберальной демократии определяется исходя из сложившейся политической культуры (по Г. Алмонду) в государстве; доминирующей модели экономики; состояния демократических институтов.

Ключевые слова: демократия, конституционный либерализм, нелиберальная демократия, третья волна демократизации, политическая культура, разделение властей

В настоящее время демократическими можно считать значительное количество государств. В соответствии с индексом демократии, составленным британской компанией “The Economist Intelligence Unit”, на 2019 год насчитывается 113 демократических государств, включая страны с «гибридными режимами». Но подлинно демократических государств было выявлено всего 22¹, что свидетельствует о тенденции к снижению численности либераль-

¹ Democracy Index 2019 // The Economist Intelligence Unit [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eiu.com/topic/democracy-index/> (дата обращения 27.06.2020).

ных демократий в глобальном контексте и в некотором отношении отображает кризис данного политического режима и соответствующих ему институтов.

Существует множество различных подходов к определению демократии, широкая вариативность концепций, отражающих суть данного феномена. Например, Авраам Линкольн в Геттисбергской речи обозначил демократию как «власть народа, власть для народа, власть посредством самого народа»². Американский политолог Роберт Даль считал демократическую систему идеальной, но недостижимой, поэтому относительно демократические режимы он предложил называть полиархиями. По Далю, полиархия – это режим, который в наибольшей степени затронут процессами расширения народного участия и либерализации³; т. е. такая система, которая обеспечивает значительное вовлечение граждан в политические процессы и позволяет публично оспаривать власть. Таким образом, обобщая вышеприведенные толкования, демократию можно интерпретировать как систему, при которой прослеживается активное и беспрепятственное участие народа в политической жизни, а также режим, при котором осуществляется процесс избрания управленческого аппарата гражданами, обладающими электоральным правом, закрепленным в соответствующих документах. При такой форме правления именно народ осуществляет процедуру легитимации власти, а правительство, в свою очередь, обязуется быть подотчетным массовому электорату. Обычно государство считается демократическим, если в нем проводятся состязательные многопартийные выборы, то есть наличествует политический плюрализм. Сама же процедура избрания, как правило, должна быть равной, всеобщей, тайной, справедливой, соответственно без применения различного рода фальсификаций, без манипулирования голосами избирателей и при отсутствии иных тактик, стратегий, делегитимизирующих власть. Кроме того, обязательным условием для полноценного демократического государства является верховенство закона, призванного ограничивать действия правящих кругов и позволяющего проводить честные выборы. Для обеспечения прозрачности и справедливости избирательного процесса в стране должны гарантироваться и соблюдаться права и свободы, например свобода слова и собраний. Заглядывая вперед, стоит отметить, что такое сочетание обеспечения политических и гражданских свобод, верховенство права, реализация справедливой процедуры выборов присущи именно либеральной демократии, поэтому резонно утверждать, что в демократических государствах не всегда должны доминировать и соблюдаться принципы либерализма и гарантироваться гражданские, политические, социальные права. Демократия может оставаться и считаться демократией при наличии признаков авторитаризма, при базировании государства на ценностях консерватизма, а также при отсутствии эффективно действующей системы сдержек и противовесов, то есть когда не прослеживается взаимного контроля ветвей власти, а равноправие во всех сферах и верховенство закона отходят на второй план. В последнем случае демократия считается нелиберальной, то есть режимом с

² *Richard A. Epstein Direct Democracy: Government of the People, by the People, and for the People // Harvard Journal of Law and Public Policy. 2011. № 34. P. 819.*

³ *Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшая школа экономики, 2010. С. 14.*

наличием демократических институтов, которые не всегда функционируют должным образом, а также с превалирующим обеспечением именно политических прав, которые могут быть значительно ограничены, либо вовсе проигнорированы.

В определенный период времени, впоследствии обозначенный Самюэлем Хантингтоном «третьей волной демократизации», казалось, что демократические транзиты наберут масштабный оборот и коснутся значительного количества государств. Движение к демократическим системам, активизирующееся после краха диктаторских режимов, постепенно становилось глобальным трендом. Отдельные срывы, если они происходили, воспринимались как временные явления, даже не остановки, а короткие задержки на магистральном пути к демократии, по которому пошли, идут или скоро начнут движение все без исключения страны мира⁴. В ходе «третьей волны» демократический транзит пережило значительное количество стран и к началу XXI в. электоральными демократиями уже являлись приблизительно 120 государств⁵. Фрэнсис Фукуяма в работе «Конец истории и последний человек» квалифицировал триумф демократии как «конец истории», а также выдвинул гипотезу о том, что вместе с падением коммунизма исчезли альтернативные модели общественного устройства, которые могли бы соперничать с либеральной демократией за «звание» быть наилучшей формой организации социума. Таким образом, наилучшей, хоть и неидеальной системой оставалась либеральная демократия.

Говоря о «третьей волне демократизации», стоит отметить, что ожидания общества на благополучный исход событий в долгосрочной перспективе не оправдались. Современные обстоятельства позволяют убедиться в том, что во многих государствах, которые пережили «третью волну демократизации», происходит «демократический откат», «демократическая стагнация»⁶. Так, процессы делиберализации стимулируют консолидацию «нелиберальных демократий», «анклавных демократий», «демократур», «диктабланд», иных «гибридных режимов» с демократическими элементами, призванными обеспечить присутствие и видимость в государстве демократических институтов, а также продемонстрировать их эффективное функционирование, которое на практике не является таковым.

Возвращаясь к самой концепции «нелиберальной демократии», стоит отметить, что изначально данное понятие («illiberal democracy») было употреблено в середине 1980-х годов в западном политическом дискурсе американскими востоковедами для определения специфических режимов новых индустриальных стран Юго-Восточной Азии, которым был свойственен симбиоз компонентов формальной процедурной демократии и жесткого авторитаризма⁷. Но популяризатором концепта «нелиберальной демократии» стал американский политический аналитик Фарид Закария. В статье «Возникновение нелиберальных демократий», изданной в журнале «Foreign Affairs» в 1997 г., Закария анализирует сложившиеся после «третьей волны демократизации» политические режимы и утверждает, основываясь на данных организации «Freedom

⁴ Демократизация: Учеб. пособие / Пер. с англ., под науч. ред. М.Г. Миронюка. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 9.

⁵ Фукуяма Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина Паблишер, 2019. С. 17.

⁶ Демократизация: Учеб. пособие. С. 10.

⁷ Рыбаков А.В., Квон Д.А. «Нелиберальная демократия» как теоретический концепт и политический феномен // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 5. С. 262–266.

House», что на момент опубликования статьи, т. е. на 1997 г., половина «демократизирующихся» стран представляла собой нелиберальные демократии⁸. В работе «Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами» Закария определяет нелиберальную демократию как некий синтез выборности и авторитаризма⁹. Автор труда отмечает, что с падением коммунизма такие режимы прочно закрепились во многих государствах, в том числе и в России¹⁰.

Стоит отметить, что Закария разграничивает понятия «конституционного либерализма», подразумевающего верховенство закона, разделение властей, обеспечение естественных прав и свобод и «демократии». Опираясь на утверждение политолога Филиппа Шмиттера, Закария также считает, что либерализм не всегда коррелировал с демократией¹¹, такой конгломерат являлся феноменом Нового времени. Но стоит отметить, что в симбиозе эти две составляющие все-таки являют собой наиболее благоприятную форму общественного устройства, т. е. либеральную демократию, которая на данный момент сталкивается с кризисом. В свою очередь, нелиберальные демократии, консолидация которых в настоящее время представляется достаточно значительной, характеризуются отсутствием верховенства закона, либо его пренебрежением; отсутствием взаимного контроля ветвей власти, частичной дисфункцией системы сдержек и противовесов. Например, когда прослеживается чрезмерная концентрация полномочий у представителей исполнительной власти, а также избирательно осуществляется контроль над представителями судебной власти, вследствие чего суд перестает быть справедливым и беспристрастным. Кроме того, и другие демократические институты в «нелиберальных демократиях» зачастую не функционируют должным образом, то есть они существуют в «декоративном» смысле и предназначены для легитимации власти. При таких системах выборы проводятся на регулярной основе, но процедура нередко сопровождается фальсификациями и иными манипуляциями. Более того, важным отличительным признаком нелиберальной демократии является пренебрежение правами и свободами, когда равноправие не обеспечивается, а гражданские, социальные, экономические права и вовсе игнорируются и нарушаются. При таких режимах достаточно распространенной практикой является нарушение действующими властями и политических прав, которые более тесным образом коррелируют с «нелиберальной демократией». Это проявляется в стремлении к разгрому и дискредитации властями оппозиции; в ограничении свободного транслирования информации независимыми и оппозиционными СМИ; в отказах регистрировать некоторые политические партии, представляющие угрозу правящему режиму. Типичным для «нелиберальных демократий» является создание партийных систем с преобладанием пропрезидентской партии, сочетание многопартийной состязательности со слабым парламентом, стремление избранных президентов продлить сроки пребывания на своем посту¹².

Таким образом, нелиберальная демократия предстает как неблагоприятный политический режим, при котором значительно

⁸ Закария Ф. Возникновение нелиберальных демократий // Логос. 2004. № 2 (42). С. 56.

⁹ Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / Пер. с англ., под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Ладомир, 2004. С. 89.

¹⁰ Там же.

¹¹ Закария Ф. Возникновение... С. 55.

¹² Чепель С.Л. Консолидация «новых демократий» в условиях глобализации: проблемы и перспективы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2015. № 3 (19). С. 31.

нарушаются права человека; все уровни государственной власти становятся коррумпированными; законодательная и судебная ветви власти не реализуют свои полномочия эффективным образом¹³. Именно по этой причине Фарид Закария считает, что к установлению либеральной демократии лучше прийти через либеральную автократию, чем через нелиберальную демократию. Иными словами, первоначально необходимо обеспечить конституционный либерализм, а уже затем демократизировать государство, поскольку демократические институты могут способствовать укреплению авторитаризма, например, за счет легитимации власти посредством выборов. Подобную ситуацию демонстрирует Венесуэла, где в 1998 г. демократическим путем, получив 56% голосов, был избран Уго Чавес. Предложение президента провести референдум с целью отменить действующую конституцию Венесуэлы, а затем узаконить новую, было принято 92% голосов¹⁴. В итоге новая конституция, предложенная Чавесом и впоследствии поддержанная 71% голосов избирателей, сделала возможным непрерывное повторное президентство, устранила одну из палат парламента, усилила роль государства в экономике, а также позволила учредительному собранию отправлять в отставку судей¹⁵. Таким образом, процедура выборов легитимировала власть популиста Уго Чавеса и политическая система Венесуэлы приобрела авторитарные черты.

Если рассматривать функционирование нелиберальной демократии на практике, то наиболее показательными примерами можно считать случаи такой трансформации режимов в Венгрии, Польше, Словакии, Бразилии, на Филиппинах.

В апреле 2010 г. в Венгрии состоялись очередные парламентские выборы, в ходе которых победу одержала правоконсервативная партия «Фидес», а лидер партии Виктор Орбан был избран премьер-министром страны. С этого момента политическая система Венгрии стала претерпевать значительные изменения. В 2011 г. в Венгрии вступил в силу новый закон о СМИ, усиливающий цензуру и соответственно урезавший свободу деятельности СМИ. Это проявилось в создании Совета по СМИ, фактически однопартийного органа, наделавшегося масштабным диапазоном полномочий и предназначенного контролировать деятельность СМИ¹⁶. Кроме того, в новом законе прописывались определенные формулировки и условия (например, «защита семьи», «защита большинства от нападков меньшинства»), несоблюдение которых наказывалось штрафами¹⁷. В 2012 г. была принята новая конституция, инициаторами которой выступили члены партии «Фидес», в том числе и сам Орбан. Новая конституция нарушила баланс в системе сдержек и противовесов, урезав права конституционного суда и предоставив исполнительным органам больше власти над парламентом и судами, а также обозначила открытый разрыв с такими европейскими ценностями, как мультикультурализм и политкорректность¹⁸. Так, лидер правящей партии Виктор Орбан взял курс на реализацию нелиберальной демократии. Стоит отметить, что конституция 2012 г. основной акцент делает на традиционных ценностях. Например, брак в документе закрепляется и трактуется как «добровольно

¹³ Рыбаков А.В., Квон Д.А. Указ. соч.

¹⁴ Закария Ф. Будущее свободы... С. 95.

¹⁵ Там же. С. 96.

¹⁶ Ильин Д.В., Шишов Н.Ю. Политическая система Венгрии в правление Виктора Orbana: опыт нелиберальной демократии // Общество. Наука. Инновации (НПК-19): сб. ст. XIX Всероссийской научно-практической конференции, Киров, 1–26 апреля 2019 г. Киров: Вятский гос. ун-т, 2019. С. 320.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

установленные супружеские отношения между мужчиной и женщиной»¹⁹. Кроме того, весной 2020 г. консервативные депутаты приняли законопроект, запрещающий гражданам указывать в паспорте любой пол, за исключением биологического²⁰, что является нарушением прав трансгендерных людей. Таким образом, данные акты и инициативы позволяют проследить нарушение принципов равноправия и свободы граждан, что вполне соответствует нелиберальной демократии.

В июле 2014 г., выступая с речью в Румынии, Орбан заявил, что «необходимо порвать с догмами, идеологией и принципами, принятыми и господствующими в западных странах»²¹. По мнению премьер-министра, страны, базирующиеся на принципах либеральной демократии, возможно, будут неспособны в долгосрочной перспективе поддерживать свою глобальную конкурентоспособность и, следовательно, будут переживать трансформацию системы, а, значит, по такому пути построения общественного устройства двигаться не следует²². Так, критикуя ценности либерализма, Виктор Орбан декларировал, что новое государство, формирующееся в Венгрии, будет нелиберальным государством²³. В настоящее время данный курс реализуется правящей партией и премьер-министром Орбаном достаточно успешно. В стране происходит национализация науки и образования; ущемляются права неправительственных организаций; мигранты, беженцы, представители различных меньшинств нередко сталкиваются с дискриминацией; также в Венгрии прослеживается нарушение свободы вероисповедания²⁴.

Среди других европейских государств, где прослеживается консолидация нелиберальной демократии, показательным примером является Польша. Правящая консервативная партия «Право и справедливость» (PiS), лидером которой является Ярослав Качиньский, а также вновь избранный в 2020 г. на президентский пост Анджей Дуда осуществляют политическую деятельность в духе консерватизма, нарушая права и свободы граждан и подрывая функционирование государственных институтов. Если рассматривать складывание нелиберальной демократии в Польше конкретнее, то для начала стоит отметить, что почти сразу после парламентских выборов в октябре 2015 г. начали реализовываться законодательные изменения, имеющие непосредственные последствия для разделения властей и подрыва независимости судебной власти, в частности Конституционного суда²⁵. Так, 22 декабря 2015 года были приняты поправки в «Акт о Конституционном трибунале», в соответствии с которыми постановления Суда принимались большинством в две трети голосов, что противоречило конституции; судебные дела рассматривались всеми судьями Конституционного суда в полном составе. Кроме того, по инициативе министра юстиции или президента против судьи можно было начать дисциплинарное разбирательство. А уже в июле 2016 г. был принят полноценный новый закон о Конституционном суде, который сворачивал независимые функции Суда и размывал принцип разделения властей²⁶. Стремление ограничить деятельность польской судебной власти проявилось и в виде реформирования системы правосудия. Так,

¹⁹ Там же. С. 322.

²⁰ В Венгрии запретили смену пола // Российская газета. 2020. 26 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/05/26/v-vengrii-zapretili-smenu-pola.html> (дата обращения: 26.08.2020).

²¹ Viktor Orban speech at the summer university and youth camp, July 26, 2014 // Hungarian Spectrum. 2014. 31 July [Электронный ресурс]. URL: <https://hungarianspectrum.org/2014/07/31/viktor-orban-speech-at-the-xxv-balvanyos-free-summer-university-and-youth-camp-july-26-2014-baile-tusnad-tusnadfurdo/> (дата обращения 18.08.2020).

²² Ibid.

²³ Ibid.

²⁴ Rule of law in Hungary: Parliament calls on the EU to act // European Parliament [Электронный ресурс]. URL: <http://www.europarl.europa.eu/news/en/pressroom/20180906IPR12104/rule-of-law-in-hungary-parliament-calls-on-the-eu-toact/> (дата обращения 18.08.2020).

²⁵ Фонд Домов прав человека. Как противостоять болезням демократии в Европе. Осло, 2017. С. 15.

²⁶ Там же.

28 января 2016 г. вступил в силу новый закон о прокуратуре, в соответствии с которым были объединены должности генерального прокурора и министра юстиции, в результате чего появилась должность со значительной концентрацией полномочий²⁷.

Деятельность СМИ также стала значительно ограничиваться. В 2016 г. был создан Национальный совет по делам СМИ, в котором подавляющее количество мест заняли депутаты парламента от правящей партии. В полномочия Совета входит назначение и увольнение руководителей национальных СМИ – общественного польского телевидения (ТVP), национального радио и новостного агентства PAP²⁸. Кроме того, и принцип свободы слова в Польше значительно нарушается и игнорируется. В государстве существует уголовная ответственность за клевету (статья 212 (2) Уголовного кодекса); также уголовная ответственность предусмотрена за оскорбление символов государства, чувств верующих, за поношение и критику высокопоставленных государственных чиновников²⁹.

Стоит добавить, что одной из причин оформления демократизирующихся государств в нелиберальные демократии является неразвитость и разобщенность гражданского общества, низкая вовлеченность социума в политические процессы, соответственно господство в обществе подданнической или приходской политической культуры. По мнению политологов Джеймса Марча и Йохана Олсена, превалирующим условием демократии является «цивилизованность граждан, официальных лиц, институтов и политических процессов»³⁰. Под цивилизованностью подразумевается «осознание коллективного (гражданственного) характера человеческой жизни». С точки зрения Марча и Олсена, чтобы реализовать данное условие необходимо, во-первых, сформировать чувство солидарности, которое связывает индивида и политическое сообщество; во-вторых, необходимо создать специфические идентичности или роли (например, гражданина, должностного лица)³¹. Такие идентичности должны коррелировать с либеральными и демократическими принципами, то есть граждане должны поддерживать подобные ценности и стремиться к соответствующим им высоким моральным идеалам (любви к свободе, готовности отстаивать собственные права и права других граждан, а также к исполнению гражданского или служебного долга). В-третьих, необходимо сформировать институты, обеспечивающие баланс между сообществом и индивидуальной автономией, между различными идентичностями и лояльностями³².

Кроме того, причиной консолидации нелиберальных демократий может являться и проводимая в государствах экономическая политика, основанная на сырьевом секторе. Экономика стран, изобилующих природными ресурсами, не имеет стимулов для развития в рыночном конкурентном направлении и поэтому не способствует становлению и развитию демократических институтов, а также усилению роли среднего класса, способного эффективно влиять на принятие политических решений. Так, наличие в стране в значительных масштабах полезных ископаемых может являться сдерживающим фактором для модернизации и экономического развития, поскольку истинной демократизации служит только бо-

²⁷ Там же. С. 18.

²⁸ Там же. С. 20.

²⁹ Там же.

³⁰ Демократизация: Учеб. пособие. С. 11.

³¹ Там же.

³² Там же.

гатство, приобретенное за счет реформирования, капитализации и диверсификации экономики³³. Например, в Венесуэле дисфункциональность демократии обусловлена богатством природных ресурсов, особенно нефти³⁴. Такое изобилие ресурсов способствует неэффективному осуществлению экономической деятельности, развитию коррупции на всех уровнях, а также институциональному кризису. Также увеличение количества «нелиберальных демократий» можно объяснить неразвитостью и нестабильностью демократических институтов, в том числе отсутствием эффективной многопартийной системы. В нелиберальных демократических системах прослеживается концентрация множества мелких политических партий, которые практически не имеют политического веса, такие партии не в состоянии консолидировать либеральные силы, создать реальную оппозицию и мобилизовать граждан для обеспечения эффективного контроля над властными структурами³⁵.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что потенциал развития и консолидации нелиберальных демократий высок в тех государствах, которые были охвачены третьей волной демократизации, то есть в посткоммунистических странах и в странах постсоветского пространства. Данное обстоятельство объясняется доминированием приходской или подданнической политической культуры и, следовательно, неразвитым гражданским обществом; господством экспортно-сырьевой модели экономики; отсутствием влиятельного среднего класса; неразвитостью демократических институтов. В то же время потенциал консолидации «нелиберальных демократий» относительно низок в странах с устоявшейся либерально-демократической системой, что обусловлено долговременной демократической практикой, эффективным функционированием политических институтов, диверсифицированной экономикой и сложившейся партиципаторной политической культурой, при которой граждане активно вовлечены в политические процессы и готовы отстаивать свои позиции.

В настоящее время наиболее показательными государствами с нелиберальной демократической системой являются некоторые страны Латинской Америки (например, Венесуэла, Бразилия), Азиатско-Тихоокеанского региона (Филиппины), а также страны Восточной Европы (Венгрия, Польша). Как было обозначено ранее, потенциал трансформации режимов в русло нелиберальной демократии в перечисленных выше регионах обусловлен недостаточным развитием административной компетентности среди граждан; слаборазвитыми демократическими институтами; доминирующей в социуме подданнической или вовсе приходской политической культурой; абсентеизмом. В целом демократия и присущие ей институты, безусловно, сталкиваются с кризисом, о чем свидетельствуют статистические данные различных организаций, измеряющих индекс демократии. Демократические системы нередко трансформируются в «гибридные» и «дефектные» режимы, но, несмотря на это, пока рано делать выводы о том, что потенциал консолидации нелиберальных демократий высок в абсолютном значении и применительно к большинству государств.

³³ Рыбаков А.В., Квон Д.А. Указ. соч.

³⁴ Закария Ф. Будущее свободы... С. 96.

³⁵ Рыбаков А.В., Квон Д.А. Указ. соч.

М.А. Сопот

Концепция контрдемократии Пьера Розанваллона и примеры ее реализации

В данной статье автор рассматривает концепцию контрдемократии, предложенную французским исследователем Пьером Розанваллоном. Для начала в статье описываются теоретические основы концепции – общее понятие контрдемократии, а также ее составляющие, указанные самим Пьером Розанваллоном, а именно надзор, прерогатива общества в сфере санкций и превентивных мер и превращение народа в судью. В статье приводится подробное описание каждой из этих составляющих, условия для их корректной и эффективной работы, а также возможные препятствия для их полноценного функционирования (с конкретными примерами законодательства некоторых государств). После этого описывается механизм работы контрдемократии. Далее автор переходит к практическим примерам, каждый из которых содержит в себе элементы “case study” – метода ситуационного анализа. В качестве первого примера рассматривается Франция и сформировавшееся там в конце 2018 года протестное движение «Желтых жилетов», проводится аналитика, позволяющая сопоставить происходящее во Франции с теоретической моделью Розанваллона. Во втором случае автор прибегает к примеру Германии, рассматривая правые движения и организации. По аналогии с первым примером здесь рассматриваются происходящие в стране процессы и приводится объяснение, почему их корректно относить именно к контрдемократической модели. Здесь также приводятся некоторые статистические данные. В заключительной части статьи автор переходит к выводам, которые позволяют охарактеризовать контрдемократию не только как исключительно теоретическую концепцию, но и как практическую модель. Более того, пример Франции показывает, что контрдемократия может стать вполне эффективным инструментом обратной связи между властью и гражданским обществом, разрешающим проблемные ситуации именно в пользу граждан.

Ключевые слова: Германия, Франция, контрдемократия, демократия, гражданское общество

Понятие «контрдемократия» было впервые использовано французским исследователем Пьером Розанваллоном в его работе «Контрдемократия: политика в эпоху недоверия»¹. Суть его концепции заключается в том, что электоральные процессы, пусть и оставаясь основным средством волеизъявления граждан в демократических государствах, проводятся с недостаточной частотой для того, чтобы служить точными и репрезентативными

¹ *Rosanvallon P. Counter-democracy: politics in the age of Distrust. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 1.*

показателями общественных настроений или поддержки тех или иных политических деятелей. Поэтому, по мнению Розанваллона, необходимо расширение понятий демократичности и, что не менее важно, легитимности. Для этого он предлагает ввести три переменные, которые позволяют более детально отслеживать общественные настроения и улучшают обратную связь между властями и гражданским обществом. Таким образом расширяется понятие легитимности, а демократия выводится за рамки одних лишь избирательных процессов. Эти переменные включают в себя надзор, прерогативу общества в сфере санкций и превентивных мер, а также превращение народа в судью. Сам Розанваллон пишет, что изначально демократию следует представлять как социальный контракт, который трактует граждан исключительно как избирателей. Но постепенно на смену простым избирателям как политическим акторам пришли три метафорические фигуры: народ как контролер (с функцией надзора), народ как носитель вето (его функция – прерогатива общества в сфере санкций и превентивных мер) и, наконец, народ как судья (превращение народа в судью). Из-за всего этого понятие суверенитета существенно расширилось и частично перешло в косвенную, более неформальную среду, стало действовать согласно правилам, отсутствующим в конституциях и нормативно-правовых актах. Суверенитет, о котором идет речь, является опосредованным в том смысле, что он выражает себя в серии эффектов и не проистекает из формальной власти. Эти эффекты в том числе являются следствием т. н. «десакрализации государства», которые выражаются в постоянном росте политической культуры и сознания граждан развитых государств².

В понимании Розанваллона, существуют три уже описанные выше «демократические активности»: надзор, прерогатива общества в сфере санкций и превентивных мер и превращение народа в судью. Надзор, в понимании Розанваллона, представляет из себя дополнительную форму народного суверенитета, которая позволяет гражданам осуществлять более эффективный контроль за деятельностью выборных должностных лиц с целью недопущения таких деструктивных элементов и явлений как нарушения прав человека, превышение должностных полномочий и коррупция. Надзор подразделяется на две составляющие: обличение и оценку. Обличение предполагает выявление, расследование и придачу огласке конкретных случаев тех или иных нарушений, совершенных должностными лицами. Оно может осуществляться и обычными гражданами, однако в силу наличия большего количества ресурсов (в т. ч. финансовых) именно организации (зачастую некоммерческие, правозащитные и т. д.) способны осуществлять обличение наиболее эффективно. В большинстве случаев демократические государства не препятствуют такой деятельности, и если наблюдается давление (законодательное, неконвенциональное или даже насильственное) на лица или организации, осуществляющие подобную деятельность, то можно говорить о том, что государство пребывает в состоянии антидемократического транзита. В качестве оценки же может рассматриваться уровень доверия граждан к

² Оболонский А.В. Бюрократия для XXI века: Модели гос. службы. Россия. США. Англия. Австралия. М.: Дело, 2002. С. 2.

должностным лицам и органам государственной власти. Если они демонстрируют высокий уровень доверия, то эта оценка положительна, если низкий – отрицательна.

Второй составляющей контрдемократии является прерогатива общества в сфере санкций и превентивных мер. Она заключается в разграничении между способностью противостоять решениям властей (имеется в виду конвенциональное и ненасильственное противостояние) и способностью навязывать решения власти. Противостояние становится вполне реальным вариантом для граждан, так как требует создания так называемой негативной коалиции – большой группы людей, зачастую разных политических взглядов, имеющих «фактор общего раздражения» (то есть конкретную инициативу властей) и временно объединенных для противостояния ему. Такой подход в разы проще и более реализуем, чем организация так называемого позитивного большинства, необходимого для навязывания властям конкретной законодательной или политической инициативы.

В качестве третьей составляющей выступает «превращение народа в судью». Этот процесс сопровождается проникновением права во все аспекты политических процессов. Это является следствием общей для большинства развитых стран тенденции к все большему и большему требованию граждан о подотчетности им должностных лиц. Именно судебные инстанции позволяют простым гражданам регулировать свои отношения с должностными лицами в рамках правового поля, а также путем судебных решений, воплощать в реальность два предыдущих аспекта контрдемократии – так, например, налиценного в коррупции политика (что является хорошим примером обличения) подают в суд, после чего его в судебном порядке отстраняют от занимаемой должности. Более того, в другой своей работе под названием «Демократическая легитимность» Розанваллон определяет суды как правовое обоснование существования граждан как источника власти³, что, в свою очередь, является фундаментальной основой демократической системы как таковой. Естественно, для полноценной реализации этого аспекта контрдемократии необходимо соблюдение в государстве базовых принципов разделения властей и независимости судов от остальных ветвей власти. Более того, данный аспект зачастую прямо коррелирует с такими факторами, как доверие граждан к судебным инстанциям и уровень юридической грамотности населения. Если эти параметры находятся на достаточном уровне, то рано или поздно начнется то самое проникновение права в политические процессы.

Говоря о контрдемократии, необходимо внимательно рассматривать каждое конкретное государство на предмет препятствий для ее функционирования. Во-первых, согласно автору данной концепции Пьеру Розанваллону, она в полной мере реализуется лишь в случае полноценной работы всех трех ее составляющих. В основном это связано с тем, что при работе одной или даже двух составляющих контрдемократии демократическому волеизъявлению граждан всегда будет препятствовать оставшаяся нереализованная часть. Для примера, в случае реализации только надзора и пре-

³ Розанваллон П. Демократическая легитимность М.: Московская школа гражданского просвещения, 2015. С. 158.

рогативы общества в сфере санкций и превентивных мер желание граждан отстранить от должности вызывающего недовольство политика или признать неконституционным принимаемый властями закон останется без каких-либо юридических последствий, поскольку не реализуется фактор «народа как судьи» – не запускаются необходимые юридические процедуры, что не позволяет гражданам противостоять спорным законодательным инициативам и некомпетентным должностным лицам. Таким образом, одна из нереализованных составляющих может подорвать эффективность и саму суть остальных составляющих контрдемократии. В таком случае некий позитивный для гражданского общества эффект возникает лишь за счет общественного резонанса и публикаций в средствах массовой информации, однако в глобальном плане все остается без изменений. Во-вторых, как уже было указано выше, в силу наличия более внушительного кадрового и финансового ресурса, наибольшим потенциалом для эффективного осуществления одной из составляющих контрдемократии, а именно надзора (в частности обличения) обладают именно организации, занимающиеся, как правило, антикоррупционной и правозащитной деятельностью. Зачастую такие организации могут финансироваться из различных источников, не всегда находящихся на территории государства, где ведется основная деятельность организации. В таком случае могут создаваться законодательные препятствия для такой деятельности – в качестве примера здесь идеально подойдут российские законы о некоммерческих организациях⁴ и «нежелательных организациях»⁵ или не менее известный американский закон FARA (Foreign Agents Registration Act), усложняющий деятельность множества некоммерческих структур на территории США.

Не стоит полагать, что контрдемократия представляет из себя исключительно теоретическую концепцию. Напротив, в современной политической обстановке некоторых государств можно наблюдать несколько примеров практической реализации данной модели. В качестве идеального примера можно привести Францию, в частности протесты так называемого движения «Желтых жилетов», происходящие в этой стране. Протесты начались сразу из-за нескольких факторов⁶: проводимой президентом экологической политики, серьезно ударившей по французским автовладельцам, попытки властей поднять пенсионный возраст, а также нежелания Макрона отказываться от политики мультикультурализма и привлечения во Францию мигрантов из не самых благополучных регионов планеты, начатой при его предшественнике, социалисте Франсуа Олланде. Таким образом, можно увидеть как наличие сразу нескольких факторов «общего раздражения», обязательных для формирования «негативной коалиции», так и саму коалицию – «Желтых жилетов» поддерживали как левые французские политики, так и общепризнанный лидер французских правых Марин ле Пен. Исходя из этого, можно сказать о том, что выполняются необходимые условия для реализации прерогативы общества в сфере санкций и превентивных мер.

Сам факт массовых протестов можно рассматривать как акт недоверия действующей власти, что является своеобразной оцен-

⁴ Закон Российской Федерации от 20.07.2012 № 121 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» // СЗ РФ. 2012. № 30. Ст. 4172.

⁵ Закон Российской Федерации от 23.06.2015 № 129 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 21. Ст. 2981.

⁶ Шумаков А.А. «Желтые жилеты»: Генезис движения // Известия Тульского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Вып. 1. С. 29.

кой ее деятельности. Оценка, как уже упоминалось выше, является частной формой надзора, одной из составляющих контрдемократии. Вторую форму надзора, а именно обличение также можно проследить во французских событиях – она выражалась в критике Макрона, основанной на его некорректных высказываниях в адрес жителей тех или иных регионов Франции, а также в изобличении коррупционных схем в его окружении и правительстве. Третью же составляющую, а именно превращение народа в судью, подтверждает независимость французской судебной системы, которую доказала ее беспристрастность – были осуждены как нарушавшие закон и прибегающие к насилию протестующие, так и сотрудники полиции, превысившие свои полномочия при работе на массовых протестных акциях. В этих условиях уровень доверия к суду среди граждан Франции вырос, и все больше и больше граждан стали обращаться в судебные инстанции по многим вопросам, в том числе и околополитического характера. Об уровне доверия к национальным судам может также свидетельствовать низкий уровень обращений граждан исследуемого государства в различные наднациональные судебные инстанции, такие как, например, Европейский суд по правам человека. В этом плане мы видим, что Франция занимает одно из последних мест по количеству обращений своих граждан в эту инстанцию⁷, что служит очередным подтверждением тому, что французы доверяют своим национальным судам. Таким образом, во Франции реализовались все три составляющие контрдемократии.

В качестве второго примера реализации контрдемократии можно привести Германию. Так называемые национал-патриотические движения и организации, объединенные своим резким отрицанием проводимой властями миграционной политики, представляют собой типичный пример «негативной коалиции» (основанной на неприятии текущей немецкой миграционной политики) и постоянно проводят акции с целью привлечения внимания граждан Германии к данной проблематике. Этот факт в сочетании с постоянно проводимыми этими движениями акциями протеста позволяет говорить о реализации прерогативы общества в сфере санкций и превентивных мер.

Первая составляющая контрдемократии, а именно надзор, также находит свое воплощение в случае с Германией. Фактор обличения, одной из разновидностей надзора, играет в данном случае не последнюю роль – правые общественные движения постоянно обращают внимание немецкого общества на ощутимый рост уровня преступности, связанный с постоянным увеличением числа мигрантов и беженцев, находящихся на территории Германии. Согласно сообщению министра внутренних дел Германии Хорста Зеехофера, в мае 2018 г. уровень преступности в одном только Берлине достиг наименьшей отметки с 1992 г. Тем не менее у многих жителей Германии начали появляться сомнения в достоверности данной статистики, после чего последовала волна критики министерства, что можно рассматривать как вполне конкретный случай обличения. Фактор оценки также имеет место быть – значитель-

⁷ European Court of Human Rights [Электронный ресурс] // Analysis of statistics. 2019. URL: https://echr.coe.int/Documents/Stats_analysis_2019_ENG.pdf (дата обращения 29.06.2020).

ная часть общества весьма критически оценивает деятельность правящей партии ХДС (Христианско-демократический союз), что выражается в растущем уровне поддержки Альтернативы для Германии (главной правой партии Германии, которая выступает за серьезное ужесточение миграционной политики), особенно в той части страны, что ранее была частью ГДР. Так, на выборах в Бундестаг 2013 г. (год основания партии) по всей стране АДГ набрала всего около восьмисот тысяч голосов и не получила ни одного места в Бундестаге. Однако спустя уже четыре года партия набрала более пяти миллионов голосов по всей стране, что позволило ей стать третьей по численности политической силой, представленной в парламенте.

И последняя, третья составляющая контрдемократии выражается в качественной судебной системе Германии, которая способна непредвзято рассматривать в том числе политизированные вопросы. Так, например, левые немецкие политики зачастую пытаются привлечь своих правых оппонентов к уголовной ответственности, основываясь на якобы «неонацистских» взглядах последних (хотя подобные идеологические убеждения действительно имеют место быть среди некоторой части противников миграционной политики, проводимой Ангелой Меркель). Однако немецкие суды выносят обвинительные приговоры только в случае весомых доказательств вины обвиняемого. Так, например, в 2015 г. произошла серия скандальных случаев с участием так называемой «группы Фрайталя», которая, руководствуясь неонацистскими убеждениями, совершала покушения на жизни и имущество мигрантов и немцев, поддерживающих текущую миграционную политику, в результате чего был взорван автомобиль левого немецкого политика и предпринята попытка совершить террористический акт в социальном жилье для мигрантов. Из-за этого лидеры группировки Тимо Шульц и Патрик Фестинг были приговорены к десяти годам тюремного заключения, а рядовые члены группы также были лишены свободы. Эта ситуация показывает способность немецкой судебной и правоохранительной системы проводить черту и понимать различия между конвенциональными протестными акциями и насильственными преступными действиями. Санкции применяются только в случае совершения неконвенциональных действий, тогда как в случае проведения мирных одиночных пикетов, шествий и митингов (а именно ненасильственные протесты, по мнению Розанваллона, обеспечивают наиболее продуктивный диалог между властью и гражданами) правоохранительные структуры не препятствуют активистам. Это свидетельствует о высоком уровне компетенции судебной системы, который вызовет неотвратимый рост уровня доверия к судам в Германии. Этот факт также подтверждается небольшим количеством обращений граждан Германии в ЕСПЧ⁸. Таким образом можно увидеть, что в Германии выполняются все три условия, необходимые для контрдемократии.

Подводя итогу, можно сделать вывод о том, что концепция контрдемократии Пьера Розанваллона может существовать не

⁸ European Court of Human Rights...

только в теоретической форме, но и иметь практическое воплощение. Более того, на конкретном примере Франции (а именно заморозки пенсионной реформы) можно говорить о контрдемократии как об эффективном инструменте политической коммуникации между властью и гражданами и как о способе, позволяющем гражданам легально и конвенционально противодействовать нежелательным для них инициативам властей. Более того, появление движения, похожего на «Желтые жилеты», было предсказано Пьером Розанваллоном в его работе «Хорошее правительство. Демократия за гранью выборов»⁹. Таким образом, данная концепция может использоваться и для политического прогнозирования.

⁹ *Rosanvallon P. Good Government. Democracy Beyond Elections. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2018. P. 352.*

А.А. Белянин

Место и роль Азиатско-Тихоокеанского региона в геополитической картине мира

Статья посвящена анализу эволюции представлений о положении Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в геополитической структуре мира. В работах британских и американских авторов, охватывающих период с конца XIX по середину XX в., данному региону отводилась, по сути, роль некоего вспомогательного пространства, обусловленная представлениями о необходимости действий, преимущественно направленных на сдерживание растущего пространственного, политического, экономического и военного влияния крупнейшей континентальной державы – России, а впоследствии СССР, – на периферию евразийского материка. В концепции немецкого геополитика К. Хаусхофера, предусматривавшей создание геостратегического союза, который бы объединял континентальные державы на основе идеи противостояния общему противнику в лице сил «морской цивилизации», АТР приобретает особое геостратегическое значение как пространство соприкосновения интересов России и Японии, но при этом не выступающее в качестве самостоятельного геополитического субъекта. В полицентрических моделях мироустройства, пришедших на смену классическим геополитическим концепциям, стала обозначаться тенденция к обособлению и усилению роли в мировой политике отдельных крупных регионов, достаточно однородных в экономическом отношении и при этом имеющих сходные культурные традиции. При этом АТР указывался в качестве одного из пространств, во многом соответствовавших указанным критериям. На рубеже XX и XXI вв. государства региона не только продемонстрировали высокие темпы экономического и технологического развития, но и с учетом создания таких интеграционных объединений, как АТЭС, АСЕАН и ШОС, существенно меняющих формат мирового политического дискурса, отчетливо обозначили тенденцию превращения АТР в новый центр геополитического могущества.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, геополитика, геостратегия, полицентричная модель мира

На рубеже XX и XXI вв. Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), демонстрируя высокие темпы экономического развития, обозначил свое место в мире в качестве растущего нового центра геополитической силы. Сотрудничество и соперничество между государствами региона, изменение их экономических и геостратегических интересов, а также действий в сфере обеспечения региональной безопасности представляется возможным интерпретировать

с точки зрения геополитических концепций, последовательно сменявших и дополнявших друг друга на протяжении предшествовавшего столетия. Это позволяет проследить эволюцию силового противостояния в рамках АТР, выявить его причины и определить возможные последствия.

Указанные концепции были представлены в работах А.Т. Мэхэна, Х.Дж. Маккиндера, Н. Спикмэна и ряда других авторов, посвященных формированию и изменению геополитической картины мира, в рамках которой прослеживается изменение отношения европейских и американских исследователей к АТР. В этих трудах, в целом охватывающих своим содержанием период с конца XIX по середину XX в., можно наблюдать формирование устойчивой доктрины по сдерживанию России – СССР как крупнейшего континентального государства путем геополитической блокады с нескольких сторон, ставящей своей целью достижение его экономической, политической и стратегической изоляции от остального мира. Таким образом, основным вектор формирования и развития западной геополитической мысли был направлен на ограничение пространственного, политического, экономического и военного влияния континентальной державы на периферию евразийского материка, в том числе и на АТР, с учетом возраставшей активности России в данном стратегическом направлении начиная со второй половины XIX в.

Подобные сюжетные линии отчетливо прослеживаются на рубеже XIX и XX вв. в работах американского историка флота и теоретика военно-морской стратегии А.Т. Мэхэна. Он уделял первостепенное внимание проблемам эволюции и наращивания военно-морских сил, которые в рамках его стратегического замысла играли роль наиболее значимого инструмента для решения конкретных геополитических задач¹. По существу, Мэхэн был не только теоретиком, но и активным сторонником формирования глобального экономического пространства, отвечающего интересам западного мира, который он, как известно, называл торговой цивилизацией, что позволило бы добиться экономических успехов Британской империи и США, способствовать развитию и укреплению их доминирующего положения в мире. Именно в данном контексте Мэхэн рассматривал проблему конфронтации между морскими государствами Запада и крупнейшим континентальным государством, каковым на тот момент являлась Российская империя, геополитические интересы которого в конце XIX в. отчетливо обозначились в стремлении распространить свое влияние на обширные территории Дальнего Востока и получить постоянный выход к незамерзающим морям Тихого океана.

Мэхэн утверждал, что доминирование на море, «морское могущество», должно было быть направлено на достижение государствами торговой цивилизации доминирования не только в военно-стратегической, но и в экономической сфере, причем именно стремление к экономическому господству являлось, по своей сути, ключевой задачей, для решения которой и было необходимо создание и развитие «морской силы». Главными стратегическими оппонентами таких государств становились крупные континентальные игроки Евразийского материка: Германия, Китай и, безусловно, Россия. Таким об-

¹ Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю: 1660–1783. М.; СПб, АСТ: Terra Fantastica, 2002. 634 с.

разом, потенциальный геополитический конфликт между морскими державами и сухопутной Россией и необходимость сдерживания ее растущей континентальной мощи становится, благодаря идеям Мэхэна, лейтмотивом и главной стратегической целью развития западной геополитической мысли на длительное время. Чтобы сдержать и приостановить распространение влияния России, планировалось использовать стратегию ее геополитической блокады со стороны побережья Евразийского материка на всех направлениях, в том числе и на дальневосточном, чтобы ограничить возможности ее пространственно-географического расширения и выхода к незамерзающим морям и тем самым предотвратить угрозу установления ее контроля над морскими торговыми коммуникациями.

Вместе с тем, оценивая географическое положение Российской империи, Мэхэн подчеркивал и серьезные трудности, связанные с обеспечением выхода ее флота в океаническое пространство. Чтобы выйти в Мировой океан, например, со стороны Балтийского моря, требовалось пройти через Финский залив и Датский пролив, где вероятность встречи с предполагаемым противником была весьма высока. Похожая ситуация складывалась и на пути со стороны Черного и Средиземного морей как через Гибралтарский пролив, так и через Суэцкий канал. Выход в Тихий океан со стороны Владивостока был в то время невозможен и нерационален ввиду недостаточного уровня экономического развития Дальнего Востока и его пространственной отдаленности от политического центра страны, что неудовлетворительно сказало бы и на качестве командования флотом, и на координации его боевых действий с соединениями сухопутных войск. Кроме того, доминирование японских военно-морских сил в регионе представляло в то время серьезную угрозу для России. Таким образом, в рамках данной концепции АТР, по сути, играл роль «восточной стены» в геополитической блокаде, то есть рассматривался в качестве пространства, которое Россия не могла использовать для увеличения своего могущества ввиду его активного освоения другими геополитическими игроками.

Независимо от работ Мэхэна данные идеи получили развитие в трудах британского геополитика Х.Дж. Маккиндера, который в своей концепции стратегического противостояния морской цивилизации и континентальных сил евразийского «хартленда» исходил из того, что Россия «в этом мире... занимает центральное стратегическое положение, которое в Европе принадлежит Германии. Она может по всем направлениям, за исключением севера, наносить, а одновременно и получать удары. Окончательное развитие ее мобильности, связанное с железными дорогами, является лишь вопросом времени»². Тем не менее Маккиндер достаточно сдержанно оценивал возможности России в плане использования дальневосточных территорий для дальнейшего распространения своего влияния в данном географическом направлении, отмечая, что «Транссибирская магистраль по-прежнему остается единственной и далеко не безопасной линией связи»³.

В противовес геополитическим идеям Мэхэна и Маккиндера немецкий геополитик К. Хаусхофер в 30-е – начале 40-х гг. разрабаты-

² Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории // Полис. Политические исследования. 1995. № 4. С. 169.

³ Там же. С. 168.

вал концепцию континентального блока – стратегического союза, который бы объединял Германию, Россию и Японию как по принципу их принадлежности к континентальному цивилизационному типу, несмотря на имеющиеся культурные и идеологические различия, так и вследствие необходимости противостояния общему противнику в лице сил «морской цивилизации»⁴. В рамках данной концепции АТР приобретает особую геостратегическую роль как пространство соприкосновения интересов двух континентальных государств, однако, по мнению Хаусхофера, приоритет в распространении своего влияния в данном регионе должен был принадлежать не России, а Японии.

Примерно в то же время американский геополитик Н. Спикмэн внес существенную корректировку в геостратегические представления о путях развития «морского могущества». По его мнению, Маккиндер чрезмерно преувеличивал значение роли континентального «хартленда» в мировой геополитике, тогда как в действительности основное внимание в плане установления контроля над пространством следовало уделять окраинным землям материка, или «римленду», который представляет собой имеющий форму полумесяца пояс евразийских прибрежных территорий – европейское побережье Атлантики, Средиземноморское пространство, Ближний и Средний Восток, а также АТР. Особая роль этого региона впервые отчетливо проявилась в годы Второй мировой войны, когда он выступил в качестве самостоятельного театра боевых действий государств антигитлеровской коалиции против Японии, являвшейся союзником нацистской Германии. Спикмэн подчеркивал: «Кто контролирует римленд, тот правит Евразией; кто правит Евразией, тот управляет судьбами мира»⁵. Задача установления контроля над АТР как частью «римленда» обозначалась в контексте необходимости противодействия тогдашним милитаристским устремлениям Японии.

Вскоре после смерти Спикмэна, в годы холодной войны, «римленд» стал рассматриваться уже как ключевой регион позиционного сдерживания потенциальных геополитических притязаний СССР, способствующего установлению американского стратегического доминирования в мире⁶. Именно с этой целью на пространстве «римленда» были созданы военно-стратегические союзы: Североатлантический альянс (НАТО), объединивший США и государства Западной Европы, СЕНТО в Западной Азии и СЕАТО в Восточной Азии. Таким образом, идеи о естественном характере геополитического конфликта между «морской цивилизацией» и Россией – СССР, а также о необходимости ограничения стратегического и экономического влияния крупнейшего континентального государства нашли свое отражение не только в теории, но и в практике международных отношений⁷. По существу, именно с этих позиций представляется логичным интерпретировать и крупные военные конфликты в АТР во второй половине XX в.: Корейскую войну 1950–1953 гг., превратившуюся по своему содержанию в опосредованное вооруженное противостояние между США вместе с их союзниками, с одной стороны, и континентальными силами СССР и КНР – другой, а также войну во Вьетнаме в 1965–1975 гг.

⁴ Хаусхофер К. Континентальный блок: Центральная Европа – Евразия – Япония // Хаусхофер К. О геополитике: Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. С. 371–418.

⁵ Спикмэн Н. Дж. Политическая карта Евразии. Часть 2 // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2016. № 1 (3). С. 53.

⁶ Meinig D. W. Heartland and Rimland in Eurasian History // Western Political Quarterly. 1956. Vol. 9. № 3. P. 553–569.

⁷ Киссинджер Г. А. Восстановленный мировой порядок. М.: Прогресс, 1973. 30 с.

Вместе с тем биполярные концепции стратегического противостояния «морской цивилизации» и «континентального могущества», сформировавшиеся к середине прошлого столетия, не предполагали возможности формирования новых геополитических «центров силы», на роль одного из которых со всей очевидностью стал впоследствии претендовать АТР. На смену данным концепциям стали выдвигаться полицентрические модели мироустройства. Одной из первых среди них стала предложенная С. Коэном аналитическая схема исследования континентов и субконтинентальных пространств, предполагавшая выделение в каждом из них четырех геополитических составляющих: 1) внешней по отношению к ним морской (водной) среды, зависящей от торгового флота и портов; 2) внутреннего континентального ядра, удаленного от побережья; 3) дисконтинуального пояса – береговых секторов, ориентированных либо внутрь континента, либо от него; 4) регионов, геополитически независимых от этого ансамбля⁸. По существу, концепция Коэна обосновывала возможность распада биполярного мирового порядка и обозначала тенденцию к обособлению и усилению роли конкретных крупных регионов в геополитической борьбе. Однако такие регионы, по мнению Коэна, должны быть достаточно однородными в экономическом отношении и при этом иметь сходные культурные традиции. Очевидно, что АТР во многом соответствовал указанным критериям.

На рубеже XX и XXI вв. гигантский экономический рывок государств АТР превратил этот регион в новый центр экономического могущества и геополитической силы, в пространстве которого пересекаются и сталкиваются интересы крупнейших мировых держав. В регионе действуют такие крупные интеграционные объединения, как Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), объединяющее экономические системы 21 государства с целью либерализации региональной торговли; Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) – межправительственная организация 10 стран, обеспечивающая их взаимодействие в сферах экономического, социального и культурного развития на основе равноправия и взаимопомощи, и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), главными задачами которой провозглашены укрепление стабильности и безопасности, борьба с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом и наркотрафиком, развитие экономического партнерства, научного и культурного взаимодействия. Основным принципом деятельности данных организаций является их «открытый» регионализм, сутью которого является развитие коммуникаций, свободное движение товаров, услуг и финансов в рамках региона.

Подводя итог, можно с полной уверенностью сказать, что в последние годы роль АТР в мировой экономике и политике существенно возросла. Этому способствуют и огромное количество населения, и мощная экономическая база, и серьезный военный потенциал. Очевидно, что в обозримом будущем стратегический баланс в мире будет определяться сложной системой взаимоотношений между главными геополитическими игроками региона: Россией, КНР, США и Японией.

⁸ *Cohen S.B. Geography and Politics in a World Divided. New York: Oxford University Press, 1973. P. 18.*

Политические процессы и технологии

УДК 324
ББК 66.3

М.А. Канифатов

Особенности и перспективы новых технологий голосования, примененных в Российской Федерации в 2019–2020 гг.

Статья посвящена анализу новых способов и форм электоральных процедур, которые применялись в экспериментальном виде в течение 2019 и 2020 гг., а именно – дистанционного электронного голосования и многодневного голосования во время выборов в Московскую городскую думу VII созыва в 2019 г., а также голосования по поправкам в Конституцию РФ и Единого дня голосования в 2020 г. Целью статьи является анализ предпосылок и закономерностей указанных нововведений в избирательном процессе, а также результатов, к которым они привели. В статье объясняется, почему рассматриваемые электоральные процедуры зарекомендовали себя в качестве надежного механизма для применения административного ресурса – и на этом основании делается предположение о том, что они будут использоваться властью и в обозримой перспективе.

Ключевые слова: электоральные процедуры, избирательные технологии, избирательные процессы, выборы, электронное голосование, многодневное голосование, Мосгордума, поправки в Конституцию, Единый день голосования

За последние два года электоральные процедуры в России, а именно формы голосования, претерпели определенные изменения. В рамках государственной программы цифровизации, а также в связи с распространением информационно-коммуникационных технологий была введена, а позже и институционализована процедура дистанционного электронного голосования. Метод электронного голосования вписывается в парадигму так называемой электронной демократии – идею общественно-политического взаимодействия и участия при помощи сети Интернет. Иначе говоря, предполагается, что электронное голосование вводится в целях демократизации, открытости, а также упрощения избирательного процесса. Вторым нововведением в электоральные процедуры, которое также было узаконено, стало многодневное голосование.

Эксперимент с этой процедурой во время голосования по поправкам в Конституцию председатель ЦИК Элла Памфилова обусловила «эпидемиологической потребностью» а также предоставлением каждому избирателю возможности проголосовать, не волнуясь за собственное здоровье¹. Тем не менее, несмотря на кажущуюся рациональность и четкую прагматичность введения обозначенных способов голосования, можно предположить, что они принесли и неформальную выгоду политическому истеблишменту России.

Впервые применение электронного голосования в России состоялось 8 сентября 2019 г. на выборах VII созыва Мосгордумы; общественное обсуждение внедрения этого новшества прошло в первой половине этого же года. 5 марта 2019 г. в ходе IX Московского гражданского форума было решено провести эксперимент по внедрению электронного голосования на предстоящих выборах в Мосгордуму². Позже на портале «Активный гражданин» среди жителей Москвы было проведено голосование по отбору округов для эксперимента, в котором приняли участие 4852 человека³. По итогу были отобраны три округа Москвы – 1-й (Зеленоград), 10-й (Бибирево, Лианозово, Северный) и 30-й (Чертаново Центральное, Чертаново Южное). 29 мая 2019 г. президент Владимир Путин подписал Федеральный закон «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва»⁴.

В итоге в день выборов электронным голосованием воспользовались 9810 избирателей, что обеспечило явку по трем округам в 92,3% (в электронном виде), в отличие от явки по всей Москве в целом, которая составила примерно 21,8% от всех избирателей. При рассмотрении же частных случаев можно заметить, что кандидаты от истеблишмента, несмотря на то что они выдвигались в 2019 г. году как беспартийные самовыдвиженцы, получили на порядок больше электронных голосов, чем их оппоненты⁵. Подобную закономерность обнаруживают, например, результаты по 30-му округу (Чертаново Центральное, Чертаново Южное), где главными конкурентами были кандидат от «Единой России» Маргарита Русецкая и самовыдвиженец Роман Юнеман. В процентном соотношении на обычных участках Юнеман набрал в ходе голосования 29,99% голосов, в то время как Русецкая 28,08%, однако на Электронном участке 5003 Юнеман получил лишь 19,14% голосов, а Русецкая значительно обогнала оппонента, набрав 47,12% голосов и в итоге победив с разрывом в 84 голоса. Впоследствии Юнеман обращался в Мосгоризбирком и судебные органы, где пытался оспорить результаты электронного голосования, ссылаясь на технические сбои, однако его жалобы были отклонены⁶.

Важно также отметить, что главную тревогу в связи с электронным голосованием у общественности вызывала возможность утечки информации и потери конфиденциальности⁷, а также отсутствие промежуточного контроля за самим процессом го-

- ¹ Памфилова объяснила, как будет проходить голосование на дому [Электронный ресурс] // РИА Новости. М., 2014–2020. URL: <https://ria.ru/20200602/1572341483.html> (дата обращения 25.09.2020).
- ² Москва готова к проведению эксперимента по электронному голосованию [Электронный ресурс]. Московская городская дума, М., 2002–2020. URL: <https://duma.mos.ru/ru/0/news/novosti/moskva-gotova-k-provedeniyu-eksperimenta-po-elektronnomu-golosovaniyu> (дата обращения 25.09.2020).
- ³ Москвичи выбрали три округа, в которых пройдет электронное голосование [Электронный ресурс]. The Village. М., 2010–2020. URL: <https://www.the-village.ru/city/news-city/353055-tri-okruga> (дата обращения 25.09.2020).
- ⁴ Федеральный закон от 29 мая 2019 г. № 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» // Российская газета [Электронный ресурс]. М., 1998–2020. URL: <https://rg.ru/2019/05/31/fz-103-dok.html> (дата обращения 24.09.2020).
- ⁵ Электронное голосование в Москве выиграли кандидаты от власти. В офлайн-голосовании у них нет такого перевеса [Электронный ресурс]. М., 2011–2020. URL: <https://tjournal.ru/analysis/115536-elektronnoe-golosovanie-v-moskve-vyigrali-kandidaty-ot-vlasti-v-oflayn-golosovanii-u-nih-net-takogo-perevesa> (дата обращения 24.09.2020).
- ⁶ Мосгорсуд отказался отменить результаты электронного голосования по иску Юнемана [Электронный ресурс]. 18.06.2020 // Коммерсантъ. М., 1991–2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4381164> (дата обращения 24.09.2020).
- ⁷ Федотов Н.Е., Степанова А.А. Дистанционное электронное голосование в Российской Федерации // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 63 (5). С. 76.

лосования. В день выборов не раз происходили технические сбои: электронное голосование приходилось приостанавливать⁸. Наконец, еще до дня российских выборов зарубежный криптограф Пьеррик Годри нашел уязвимость в системе шифрования данных голосования⁹.

Но, несмотря на технические упущения и недостатки этой системы, успехи, продемонстрированные в ходе ее использования «системными» кандидатами, позволяют предположить, что она расширяет потенциал использования административного ресурса и получения нужного истеблишменту результата. Учитывая сказанное, не приходится удивляться тому, что 23 мая 2020 г. президент В. Путин подписал закон о продлении эксперимента с электронным голосованием на 2020 и 2021 гг.¹⁰

В связи с усложнившейся эпидемиологической обстановкой в стране было также принято решение провести многодневное голосование по поправкам в Конституцию. Его официальными целями были объявлены снижение риска заражения граждан, а также распределение волн желающих проголосовать по нескольким дням. С одной стороны, электронное и многодневное голосование преподносилось как удобство для избирателя. С другой стороны, эта идея не была принята однозначно, потому что значительно усложнила работу общественным активистам: независимым наблюдателям пришлось присутствовать на участках всю неделю вместо одного дня традиционно. Кроме того, после ежедневного закрытия избирательных участков не было возможности следить за хранением и сохранностью бюллетеней¹¹. Безусловно, такие условия усложнили процесс общественного контроля.

Стоит обратить внимание на то, что электронное голосование выявило интересные закономерности. Во время голосования по поправкам в Конституцию электронным образом голосовали только избиратели из Москвы и Нижегородской области. Явка в электронном виде составила около 93%, было выдано 1,1 миллионов бюллетеней: результат по Москве оказался 62,33% голосов «за» и 37,67% голосов «против», в то время как в Нижегородской области – 59,69% голосов «за» и 40,31% голосов «против»¹². Принимая в расчет то, что в подобных случаях возможности влияния на результат голосования со стороны власти расширяются, можно предположить, что при большом объеме электронных данных явка может оказаться максимальной – но парадоксальным образом применение административного ресурса усложнится. Именно поэтому в ходе электронного голосования по поправкам в Конституцию результаты «за» получились ниже, чем в общем по стране, а именно 77,9% голосов «за» и 21,2% голосов «против».

Стоит также отметить, что после объявления результатов голосования независимый аналитик Сергей Шпилькин опубликовал их анализ, где с помощью графиков обозначил 24 миллиона «аномальных голосов», вызывающих подозрение¹³. Согласно его гипотезе, на избирательных участках с ростом явки появлялся непропорциональный рост голосов «за». Однако в ЦИК отвергли обвинения Шпилькина, а некоторые другие эксперты раскритико-

⁸ Онлайн-голосование в Москве дважды приостанавливали из-за сбоя [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. М., 1991–2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4086901> (дата обращения 24.09.2020).

⁹ Эксперт нашел уязвимость в онлайн-системе голосования на выборах в Москве [Электронный ресурс] // РБК. М., 1995–2020. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/15/08/2019/5d55640b9a7947b11c444371 (дата обращения 24.09.2020).

¹⁰ Путин продлил эксперимент по электронному голосованию в Москве [Электронный ресурс] // РИА Новости. М., 2014–2020. URL: <https://ria.ru/20200523/1571885526.html?in=t> (дата обращения 24.09.2020).

¹¹ Кто хочет внедрить многодневное голосование на выборах в России и за что эту идею критикуют [Электронный ресурс] // Русская служба Би-би-си. М., 201–12020. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-53355385> (дата обращения 25.09.2020).

¹² Оглашены итоги онлайн-голосования по поправкам в Конституцию [Электронный ресурс] // РБК. М., 1995–2020. URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/07/2020/5efccdb09a7947b892449d6a> (дата обращения 23.09.2020).

¹³ «Двугорбая Россия» и поправки в Конституцию: ученый нашел более 20 млн «аномальных» голосов [Электронный ресурс] // Русская служба Би-би-си. М., 2011–2020. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-53271744> (дата обращения 25.09.2020).

вали его подход с точки зрения применяемой теории¹⁴. Впрочем, независимо от субъективных взглядов аналитиков, во время голосования происходили и объективные нарушения. Так, помимо довольно традиционных «вбросов» бюллетеней, недопуска сторонних наблюдателей и подкупа¹⁵, 25 июня 2020 г. журналист Павел Лобков продемонстрировал возможность проголосовать дважды – в электронном виде и на обычном участке¹⁶. Впоследствии ЦИК аннулировал бюллетени Лобкова из-за того, что историю придали широкой огласке. Более того, через неделю после голосования Интернет-ресурс “Meduza” опубликовал расследование, в котором заявлялось, что – предположительно – данные проголосовавших электронным образом утекли в Сеть. Наконец, в списках избирателей, принявших участие в электронном голосовании, оказались люди с недействительными и истекшими данными, а также проголосовавшие дважды¹⁷. Через месяц уже ряд федеральных СМИ заявил об утечке личных данных миллиона проголосовавших на электронном голосовании в даркнет¹⁸.

По итогу прошедшего плебисцита процедуры электронного и многодневного голосования снова доказали собственную результативность, а поскольку само голосование было признано легитимным, то легитимизировался и сам процесс многодневного голосования. Так, Общественная Палата РФ, а позже и ЦИК объявили, что многодневное голосование оправдало себя, является удобным и безопасным, и к тому же избирательная система РФ готова к его применению¹⁹. Иначе говоря, голосование по поправкам в Конституцию позволяет сделать вывод, что введение многодневного голосования также расширяет потенциал административного ресурса с целью достижения нужного системе результата.

Сравнивая электоральный процесс на выборах в Мосгордуму и голосование по поправкам в Конституцию с Единым днем голосования 2020 г. с точки зрения использованных процедур, мы почти не найдем отличий. В Единый день голосование длилось три дня – с 11 по 13 сентября, что также объяснялось удобством. Кроме того, на муниципальных выборах в Москве велось дистанционное электронное голосование, во время которого подобным способом отдали свои голоса 4535 избирателей, что составило электронную явку в 93,45%. Кандидаты от «Единой России» получили большинство мандатов и уступили оппонентам не слишком много мест, даже несмотря на тактику «умного голосования» (которая, однако, была успешной в Новосибирске), а переизбранные губернаторы от партии власти получили рекордную поддержку граждан²⁰. Политолог Алексей Неживой считает, что «трехдневное голосование помогло тем, кто ориентируется на админресурс и помогло мобилизовать электорат»²¹. В основном же, анализируя ЕДГ-2020, можно сделать вывод, что он еще раз подтвердил эффективность введенных процедур, с помощью которых, отчасти политический истеблишмент получил большинство мандатов. 24 сентября 2020 г. В. Путин в ходе видеоконференции лично указал, что многодневное голосование имеет безусловные пре-

- ¹⁴ Экспертов разочаровали «кривые Шпилькина» для исследования результатов выборов [Электронный ресурс] // «ВГЛЯД.РУ». М., 2005–2020. URL: <https://vz.ru/news/2020/9/16/1060791.html> (дата обращения 23.09.2020).
- ¹⁵ Лазейки, аномалии, сломанная рука. Основные нарушения на всероссийском плебисците по Конституции [Электронный ресурс] // Русская служба Би-би-си. М., 2011–2020. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-53186904> (дата обращения 25.09.2020).
- ¹⁶ Журналист дважды проголосовал на плебисците по Конституции [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. М., 1991–2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4391424> (дата обращения 24.09.2020).
- ¹⁷ Власти фактически выложили в открытый доступ персональные данные всех интернет-избирателей [Электронный ресурс] // Meduza. Рига, 2014–2020. URL: <https://meduza.io/feature/2020/07/09/vlasti-fakticheski-vylozhili-v-otkrytyy-dostup-personalnye-dannye-vseh-internet-izbirateley> (дата обращения 23.09.2020).
- ¹⁸ В даркнет утекла база данных проголосовавших по поправкам в Конституцию [Электронный ресурс] // РБК М., 1995–2020. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/04/08/2020/5f28ce729a7947056524fb49 (дата обращения 23.09.2020).
- ¹⁹ ЦИК считает, что избирательная система РФ готова к проведению многодневного голосования [Электронный ресурс] // ТАСС. М., 1999–2020. URL: <https://tass.ru/politika/9017521> (дата обращения 23.09.2020).
- ²⁰ Итоги единого дня голосования в России [Электронный ресурс] // Meduza. Рига 2014–2020. URL: <https://meduza.io/feature/2020/09/14/rekordy-gubernatorskih-vyborov-i-uspeh-koalitsii-navalnogo-kak-proshel-edinyy-den-golosovaniya-v-rossii> (дата обращения 24.09.2020).
- ²¹ «Ситуация будет развиваться только в худшую сторону»: многодневное голосование ускорило кризис в России [Электронный ресурс] // РИА «Новый день». М., 2004–2020. URL: <https://newdaynews.ru/moscow/703078.html> (дата обращения 25.09.2020).

имущества²², поэтому можно предположить, что эта процедура будет практиковаться и в дальнейшем: ее публично одобряет уже не только ЦИК, но и глава государства.

Таким образом, можно констатировать формирование в стране системы избирательной процедуры с электронным и многодневным голосованием, которая удобна и с точки зрения ее обоснования (безопасность электората), и в плане повышения «управляемости» выборов. Административный ресурс становится более действенным в связи с удлинением периода подачи бюллетеней, а также наличием промежуточных этапов, за которыми нельзя вести четкий общественный контроль. Связывая анализируемые процедуры с электоральными циклами в России, можно предположить, что в ходе исключительно важных для власти выборов Государственной думы в 2021 г. тоже будут использованы уже проверенные и опробованные в течение последних двух лет процедуры, описанные выше: они помогут истеблишменту получить желаемый результат. К тому же потенциальная возможность очередной «волны» коронавирусной инфекции вновь поможет власти оправдать их применение – как и во время голосования по поправкам в Конституцию.

²² Путин назвал преимущество трехдневного голосования на выборах [Электронный ресурс] // Ведомости. М., 1999–2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2020/09/24/841084-putin-nazval-preimuschestvo-trehdnevnogo-golosovaniya-na-viborah> (дата обращения 24.09.2020).

И.В. Бондарев

Влияние протестов “Black Lives Matter” на президентскую гонку в США в 2020 г.

В статье анализируется влияние протестов в США в 2020 г., прошедших под лозунгами движения “Black Lives Matter” (BLM), на американскую президентскую предвыборную кампанию в 2020 г. Внимание уделяется анализу изменения электорального рейтинга кандидатов до и во время протестов BLM, изменению уровня поддержки населением штатов движения “Black Lives Matter”, а также анализу предвыборной риторики двух кандидатов в Президенты США: Дональда Трампа и Джо Байдена по отношению к протестам и движению BLM. Анализируя изменение электоральной поддержки обоих кандидатов, автор привлекает результаты нескольких авторитетных организаций по мониторингу общественного мнения: IPSOS/Reuters, Real Clear Politics, FiveThirtyEight. Исследование уровня поддержки гражданами США движения BLM основывается на мониторинге социальных опросов, проводимых 3 признанными центрами: Civiqs, Института Гэллага и Pew Research Center. При изучении риторики Джо Байдена и Дональда Трампа анализ проводится с позиции отношения основ двух основных кандидатов в Президенты США как к самому движению BLM, так и протестам, проходивших под лозунгами данной организации. В статье также привлекается внимание к предыдущей волне протестов в США, совпавшей, как и в 2020 г., с президентской кампанией 2016 г. Привлечение для анализа риторики политиков, их заявлений в социальных сетях, мониторингу электорального рейтинга кандидатов и изучению изменения отношения к движению «Black Lives Matter» с позиции усредненного американского избирателя также расширяет источниковую базу исследования.

Ключевые слова: “Black Lives Matter”, протесты, выборы в США, президентская гонка в США, Дональд Трамп, Джо Байден

25 мая 2020 г. в Паудерхорне (Миннеаполис, штат Миннесота) в ходе жесткого задержания полицией погиб афроамериканец Джордж Флойд. Видео с задержанием попало в Интернет и быстро распространилось пользователями социальных сетей. Более того, данный сюжет начал транслироваться в СМИ, что привело к еще большему информированию аудитории о случившемся. Это вызвало широкую волну протеста со стороны граждан США и

за его пределами. Уже на следующий день начались первые протесты против полицейского насилия. Спустя несколько дней массовые митинги охватили большую часть территории США. Протесты продолжались более 3 месяцев (однако наиболее массовые акции проходили только в течение первых 5 недель). Данные протесты шли под эгидой движения “Black Lives Matter”, образовавшегося еще в 2013 г. Уже в начале июля газета “The New York Times”¹ назвала эти протесты самыми массовыми за всю историю США.

В протесты были вовлечены две основные политические силы в США: Республиканская и Демократическая партии. Фактически они стали двумя основными сторонами данного конфликта. Лидером первых стал 45-й Президент США Дональд Трамп, лидером вторых – действующий (46-й) Президент США Джо Байден. Оба политика являлись кандидатами в президенты в 2020 г. Это дает нам повод предположить, что американские протесты 2020 г. имели несомненное влияние на предвыборную кампанию, поэтому в данной статье мы постараемся изучить это влияние.

30 июля в своем Twitter Дональд Трамп допустил возможность перенести выборы на неопределенный срок в связи с пандемией COVID-19². Однако данная попытка не могла увенчаться успехом, так как согласно Конституции США (статья 2, раздел 1)³, президент не вправе в одностороннем порядке переносить выборы. Такими полномочиями официально обладает только Конгресс США. Действующий президент также подвергся критике со стороны других политических оппонентов.

В 2016 г. было проведено исследование⁴, в котором доказывалось влияние протестов BLM, вызванных серией смертей афроамериканцев, на президентскую кампанию 2016 г. Согласно результатам исследования, граждане, поддерживающие движение BLM и протесты 2015 г. против жестокости полиции, были намного более склонны голосовать за Хилари Клинтон – кандидата от демократов. В то же время та часть населения, которая встала на сторону полиции, с большей вероятностью голосовала за республиканца Дональда Трампа. Именно поэтому не стоит исключать, что подобная ситуация могла повториться и в 2020 г.

Основными методами нашего исследования являются анализ, синтез и сравнение.

Анализ влияния протестов в 2020 г. будет проходить по трем основным аспектам: изменению электорального рейтинга Дональда Трампа и Джо Байдена в допротестный и протестный периоды, изменению уровня поддержки населением штатов движения “Black Lives Matter”, а также анализу предвыборной риторики двух кандидатов в президенты США – Дональда Трампа и Джо Байдена (относительно протестного движения).

Изучением уровня поддержки движения BLM занимался ряд исследовательских центров. В нашем исследовании мы рассмотрим три центра: Civiqs, Институт Гэллага и Pew Research Center.

Начнем с исследования Civiqs⁵. Для начала стоит отметить, что это один из немногих, если вообще не единственный исследовательский центр, который занимается изучением уровня поддерж-

¹ Black Lives Matter May Be the Largest Movement in U.S. History // The New York Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/07/03/us/george-floyd-protests-crowd-size.html?searchResultPosition=9> (дата обращения 1.08.2020).

² Twitter [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/1288818160389558273> (дата обращения: 1.08.2020).

³ Constitution Text // American Bar Association [Электронный ресурс]. URL: https://www.americanbar.org/groups/public_education/programs/constitution_day/constitution-text/ (дата обращения 5.08.2020).

⁴ Race, justice, policing, and the 2016 american presidential election // Cambridge Core [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/du-bois-review-social-science-research-on-race/article/race-justice-policing-and-the-2016-american-presidential-election/24A49AAB41CB1007DBFF411670D1ED7E/core-reader> (дата обращения 16.08.2020).

⁵ Black Lives Matter // Civiqs [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fciviqs.com%2Fresults%2Fblack_lives_matter%3Funcertainty%3Dtrue%26annotations%3Dtrue%26zoomIn%3Dtrue&cc_key= (дата обращения 25.09.2020).

ки населением движения “Black Lives Matter” на постоянной основе. Согласно исследованию данного центра, допротестный уровень поддержки движения населением штатов находился на отметке 40–42% из числа опрошенных, из чего можно сделать вывод, что очевидными сторонниками движения были меньше половины населения. Наибольший уровень поддержки движения был зарегистрирован в начале июня и составил 53% из числа опрошенных. Это можно объяснить наиболее массовыми протестами против полицейского насилия, которые проходили как раз в начале лета. Однако впоследствии процентное количество респондентов, высказывающих свою поддержку движению, становилось все меньше (к началу сентября – только 48% опрошенных).

Анализируя график, опубликованный Civiqs, мы обнаружили следующую закономерность: наибольшую поддержку движению BLM высказала младшая возрастная группа (от 18 до 34 лет) опрошенных. Среди нее 62% высказались о своей поддержке движения. Напротив же, старшая возрастная группа (старше 65) высказалась преимущественно против движения (46% опрошенных). Таким образом, согласно графику, опубликованному Civiqs, наблюдается следующая тенденция: чем младше респондент, тем с большей вероятностью он выскажется о своей поддержке движения “Black Lives Matter”.

Помимо Civiqs, анализом протестов и изучением уровня поддержки населением движения BLM занимался Институт Гэллага⁶. Согласно его результатам, каждые два из трех опрошенных американцев (или 65% респондентов) поддерживают протесты, проходящие в США. Исследование также показало, что абсолютное большинство демократов (95%) и соответственно абсолютное меньшинство республиканцев (22%) поддерживают протесты, проходящие в стране. Данное исследование было проведено в период с 23 июня по 6 июля, т. е. в тот период, когда количество протестов пошло на спад. Тем не менее общественное мнение все еще могло быть интерферированным.

Третий центр изучения общественного мнения Pew Research Center⁷ также исследовал уровень поддержки населением протестов в США, вызванных смертью Джорджа Флойда. Так, по данным опроса компании, движение “Black Lives Matter” пользуется поддержкой большинства населения США (67%). 38% от всего числа опрошенных решительно поддерживают движение (strongly support), 29% респондентов высказались об умеренной поддержке (somewhat support). Таким образом, общее количество поддерживающих движение, согласно результатам исследования Pew Research Center, составило 67% респондентов.

Таким образом, данные трех центров изучения общественного мнения отличаются друг от друга. Так, процентное количество поддерживающих движение BLM, согласно Pew Research Center, составило на 14% больше (в июне), чем данные максимальной поддержки, согласно Civiqs (53% респондентов в июне). Наибольший уровень поддержки протестов и движения BLM был высказан респондентами Центра Гэллага и составил 65%. Общей чертой у всех

⁶ Two in Three Americans Support Racial Justice Protests // Gallup [Электронный ресурс]. URL: <https://news.gallup.com/poll/316106/two-three-americans-support-racial-justice-protests.aspx> (дата обращения 25.09.2020).

⁷ Amid Protests, Majorities Across Racial and Ethnic Groups Express Support for the Black Lives Matter Movement // Pew Research Center [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewsocialtrends.org/2020/06/12/amid-protests-majorities-across-racial-and-ethnic-groups-express-support-for-the-black-lives-matter-movement/> (дата обращения 25.09.2020).

анализируемых графиков является несомненное увеличение уровня поддержки движения и протестов в июне 2020 г.

Следующим пунктом изучения в нашем исследовании станет анализ электорального рейтинга двух основных кандидатов в президенты США: демократа Джо Байдена и республиканца Дональда Трампа – 45-го Президента США. Социологические опросы, изучающие уровень электоральной поддержки кандидатов, проводились множеством компаний. Среди наиболее авторитетных центров можно выделить: IPSOS/Reuters⁸, Real Clear Politics⁹, FiveThirtyEight¹⁰. Проанализировав данные этих центров, мы выделили следующие закономерности.

Согласно исследованию IPSOS/Reuters, рейтинг Трампа наиболее заметно упал в июне. Если в начале месяца (2.06.2020) рейтинг действующего президента составлял 40%, то уже к середине он держался на отметке в 35%. К концу месяца рейтинг подрос на 3 пункта и стал составлять 38%. За тот же временной промежуток рейтинг Байдена подрос на 2% – с 44% до 46%. Наибольшее падение, согласно графику, рейтинг бывшего вице-президента пережил в начале июля, когда опрос зафиксировал уменьшение количества поддерживающих сразу на 3% (с 46% до 43%). К началу сентября разрыв в поддержке двух кандидатов уменьшился с 10% до 6%. Таким образом, проанализировав результаты, представленные IPSOS/Reuters, можно сделать вывод, что рейтинг кандидатов неоднократно подвергался изменениям во время протестов. Однако к началу осени разрыв в рейтингах практически сравнялся с допротестными показателями.

Агрегатор социологических опросов Real Clear Politics¹¹ также составил свой график, в котором представлен усредненный результат опросов относительно поддержки одного из двух кандидатов в президенты США, который проводили различные центры исследования общественного мнения. Так, согласно этому графику, рейтинг Трампа начал падать еще 19 мая, т. е. до смерти Флойда, и следовательно, до начала протестов. В период с 18 мая по 30 июня рейтинг Трампа упал с 43,9% до 40,4%. За тот же период поддержка Байдена увеличилась с 48,6% до 50%.

Последним из 3 выбранных нами исследовательских центров является FiveThirtyEight¹². Согласно данным, предоставленным этой компанией, наибольший разрыв между рейтингами Трампа и Байдена произошел также в июне – первом месяце протестов. Если к концу мая процентный разрыв находился в среднем на отметке 6,2%, то к середине июня составлял уже 8,6%, а к концу месяца увеличился до 9,5%. Таким образом, в первый месяц разрыв в рейтинге кандидатов увеличился более чем на треть. Однако впоследствии разрыв между кандидатами постепенно уменьшался. Согласно последним данным, представленным центром, разница в рейтинге уменьшалась и сегодня (21.09.2020) составляет 6,9%, т. е. приблизилась к допротестным результатам опросов.

Таким образом, данные трех опросов достаточно похожи: все графики зафиксировали падение рейтинга Трампа, с одной стороны, и увеличение рейтинга Байдена – с другой в начале июня. Впоследствии же эта разница становилась меньше и к концу сентября стала

⁸ Trump vs. Biden // Reuters Polling [Электронный ресурс]. URL: <https://polling.reuters.com/topic/2020-election> (дата обращения 25.09.2020).

⁹ General Election: Trump vs. Biden // Real Clear Politics [Электронный ресурс]. URL: https://www.realclearpolitics.com/epolls/2020/president/us/general_election_trump_vs_biden-6247.html (дата обращения 25.09.2020).

¹⁰ Who's ahead in the national polls? // Five Thirty Eight [Электронный ресурс]. URL: <https://projects.fivethirtyeight.com/polls/president-general/national/> (дата обращения 26.09.2020).

¹¹ General Election: Trump vs. Biden // Real Clear Politics [Электронный ресурс]. URL: https://www.realclearpolitics.com/epolls/2020/president/us/general_election_trump_vs_biden-6247.html (дата обращения 25.09.2020).

¹² Who's ahead in the national polls? // FiveThirtyEight [Электронный ресурс]. URL: <https://projects.fivethirtyeight.com/polls/president-general/national/> (дата обращения 26.09.2020).

наименьшей за весь период протестов BLM в 2020 г. Тем не менее Байдена все еще поддерживали большинство населения США. Отличия же графиков заключаются в основном в самих числах. Так, если исследование IPSOS/Reuters зафиксировало незначительное падение рейтинга Трампа в июне (с 42,9% в начале июня до 41,7% в середине), то опрос, опубликованный Five Thirty Eight, показал падение рейтинга действующего Президента сразу на 5% (с 40% до 35%).

Перейдем к третьему, наиболее обширному пункту нашего анализа, в котором мы изучим риторику Джо Байдена и Дональда Трампа как двух основных кандидатов на пост президента США относительно протестов и протестного движения.

Итак, начнем с анализа предвыборной риторики Дональда Трампа. 45-й Президент США, в отличие от своего главного политического оппонента, изначально занял достаточно устойчивую позицию по вопросу как самих протестов BLM в целом, так и движения в частности. Так, он неоднократно высказывался против движения, обвиняя его в разжигании насилия. Наиболее цитируемыми прессой стали два высказывания Трампа относительно движения “Black Lives Matter” и протестов, связанных с ним. В первом из них Трамп сказал, что движение приносит вред афроамериканцам. Это, по мнению бывшего президента, связано с самим названием движения, которое является дискриминирующим, – об этом он заявил в интервью Fox News¹³. Второе высказывание связано с несогласием Трампа с властями Нью-Йорка размещать надпись в поддержку движения BLM. Действующий на тот момент президент назвал лозунг движения символом ненависти (symbol of hate). Впоследствии же Белому дому пришлось разяснять слова Трампа и одновременно его оправдывать. Кейли Макинэни, пресс-секретарь Белого дома, заявила о поддержке Трампа самого лозунга движения, но против действий организации BLM, которая открыто выступала против действий полиции. Здесь считаю нужным отметить, что глава Белого дома изначально встал на сторону полиции, как он делал это и в 2015–2016 гг.

Теперь перейдем к анализу предвыборной риторики Джо Байдена относительно движения BLM и протестов, связанных с ним. В ходе анализа мы выяснили, что риторика кандидата от демократов менялась с течением времени, что отличает его от республиканца Дональда Трампа, который изначально занял твердую позицию по этому вопросу. Так, на пятую ночь протестов (31 мая) Байден заявил¹⁴, что протестовать против жестокости полиции «правильно и необходимо». Он назвал это «американским ответом» («american response»). Таким образом, Байден изначально высказался о своей не поддержке действий полиции, чем мог настроить против себя ту часть электората, которая изначально поддерживала действия сотрудников правоохранительных органов. Одновременно с этим Байден утверждал¹⁵, что выступает против насилия, которое устроили участники протестов BLM. Выступая против жестокости полиции относительно убийства афроамериканца Джорджа Флойда¹⁶, Байден, вероятно, перевел на свою сторону ту часть электората, которая выступала против жестокости полиции и, как следствие, с большой вероятностью поддерживала протесты BLM, так как это было

¹³ Trump says Black Lives Matter is ‘a bad name, so discriminatory’ // The Independent [Электронный ресурс]. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/trump-black-lives-matter-criticism-fox-news-us-protests-a9698026.html> (дата обращения 6.09.2020).

¹⁴ We are a nation furious at injustice // Medium [Электронный ресурс]. URL: <https://medium.com/@JoeBiden/we-are-a-nation-furious-at-injustice-9dcffd81978f> (дата обращения 6.09.2020).

¹⁵ Trump and allies keep accusing Biden of not condemning violence – shortly after Biden condemns violence / The Washington Post [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/08/31/trump-allies-keep-accusing-biden-not-condemning-violence-shortly-after-biden-condemns-violence/> (дата обращения 7.09.2020).

¹⁶ “We’re a country with an open wound”: Joe Biden condemns the police killing of George Floyd // Vox [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vox.com/2020/5/29/21274780/joe-biden-george-floyd-statement> (дата обращения 9.09.2020).

одним из требований протестующих. Таким образом, мы можем сделать вывод, что Байден занял гибкую позицию относительно поддержки движения “Black Lives Matter”: с одной стороны, кандидат всячески поддерживал этнические меньшинства, выступая против жестокости полиции, а с другой – высказывался против протестов в том виде, в котором они проходили в США (кражи, погромы, осквернение памятников и др.). Следовательно, это могло помочь Байдену повысить свои рейтинги за время протестов (в особенности в июне, во время наиболее массовых выступлений).

Подводя итог нашему исследованию, мы представляем основные его результаты. Во-первых, уровень поддержки движения BLM и связанных с ним протестов значительно вырос в июне 2020 г. Во-вторых, проанализировав изменение рейтингов двух основных кандидатов в президенты США в 2020 г., мы выяснили, что они подверглись изменениям в течение BLM протестов: как стремительному падению, так и резкому росту. Мы также определили различия в результатах исследования рейтингов кандидатов тремя компаниями. Так, если IPSOS/Reuters зафиксировал незначительное падение рейтинга Трампа в течение одного месяца протестов, то данные FiveThirty Eight показывают резкое падение рейтинга бывшего президента с 40% до 35%. В-третьих, мы изучили предвыборную риторику Дональда Трампа и Джо Байдена, в результате чего мы можем сделать следующий вывод: президент Трамп занял твердую позицию по вопросу поддержки протестов, в то время как позиция Джо Байдена, как кандидата от Демократической партии, была более гибкой, в том числе благодаря многочисленным вбросам и фейкам о поддержке демократом лишения полиции финансирования¹⁷.

Сопоставив три результата нашего исследования, мы приходим к общему выводу, что влияние протестов “Black Lives Matter”, без сомнения, имело место быть. С другой же стороны, нам не следует преувеличивать влияние данных событий на предвыборную гонку на пост президента США в 2020 г. Так, Джо Байден лидировал в социологических опросах и до начала протестов (лишь со сравнительно меньшим отрывом), что говорит о его популярности среди избирателей. Со временем начала протестов этот отрыв увеличился в пользу демократа, однако постепенно стал уменьшаться и к концу сентября практически приблизился к допротестным результатам.

Что касается повторения ситуации, описанной Кевином Дракуличем и коллегами в работе “Race and policing in the 2016 presidential election: Black lives matter, the police, and dog whistle politics”, то сказать наверняка сейчас вряд ли получится, потому что если в 2016 г. Хилари Клинтон, будучи основным кандидатом от Демократической партии США, полностью поддерживала протестующих, то в 2020 г. Джо Байден занял более гибкую позицию, с одной стороны, поддерживая недовольство действиями полиции, а с другой – выступая против насилия. Тем не менее, благодаря ложной интерпретации некоторыми СМИ действий Байдена, у некоторой части электората может сложиться впечатление об исключительной поддержке кандидатом движения, что не соответствует действительности. Однако возможность повторения ситуации 2016 г. исключать тоже не стоит.

¹⁷ US 2020 Election: Does Joe Biden support defunding the police? // BBC News [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/election-us-2020-53997196> (дата обращения 10.09.2020).

А.В. Бусыгина

Изучение демократического транзита в Бразилии в контексте концепции воронки причинности

В данной статье автор предпринял попытку изучения демократического транзита Бразилии 1970–1980 гг. при помощи методологии воронки причинности (англ.: the funnel of causality). Данная методология, предполагающая постепенный переход от макро- к микрофакторам, была создана для изучения электорального поведения. «Классический» вариант «воронки причинности» создал Э. Кэмпбелл и его коллеги в монографии «Американский избиратель», которая была издана в 1960 г. Однако данная логика постепенного перехода с одного уровня на другой позволяет максимально комплексно изучить практически любые политические явления, связанные не только с электоральной активностью, но и с транзитологией. Транзит власти – это явление многогранное, изучать которое можно в разных аспектах. В связи с этим существуют разные теории, созданные для изучения столь сложного процесса. По мнению автора, наиболее подходящими для изучения системных трансформаций являются синтезированные теории; к таковым как раз и относится выбранная для данной работы методология воронки причинности. Хотя данная модель изучения транзита имеет большой объяснительный потенциал, несомненно, у нее есть и недостатки, одним из которых является пространственная и временная неоднородность. Итоги данного исследования показывают, что использование методологии «воронки причинности» способно обеспечить комплексный анализ факторов, повлиявших на демократический транзит в Бразилии. В перспективе изучать данную тему можно и с точки зрения консолидации демократии в Бразилии: для этого возможно будет использовать ту же методологию, но в обратном порядке – от микро- к макроуровню.

Ключевые слова: Бразилия, транзит власти, демократия, воронка причинности, транзитология

Изучение феномена транзита власти обсуждается и исследуется в политической науке уже с начала 60-х гг. XX в. Проблема перехода от автократии к демократии – одна из центральных тем транзитологии. Данная отрасль политического знания оформилась в политической науке в середине 1980-х. Транзитология ставит перед собой задачу изучения перехода от авторитаризма к демократии и наоборот¹. За все время существования данного направления в политологии сложился ряд теорий изучения полити-

¹ Национальная политическая энциклопедия // Транзитология [Электронный ресурс]. URL: <http://politike.ru/termin/tranzitologija.html> (дата обращения 08.07.2020).

ческой трансформации режимов. Классификацию основных теорий провел транзитолог В. Меркель, который выделил следующие их типы:

- структурные теории;
- системные теории;
- культурологические теории;
- теории действия акторов;
- неинституциональные теории;
- синтетические теории, соединяющие в себе несколько подходов².

В рамках статьи была выбрана теория «воронки причинности», которую А. Кэмпбелл и его коллеги описали в книге «Американский избиратель» (“The American Voter”), опубликованной в 1960 г.³ Данная модель была создана для исследования электорального поведения. Идея постепенного накопления переменных, применяемая в данной модели для объяснения электорального поведения избирателей, может также быть использована и для анализа режимных трансформаций.

Важно отметить, что методология «воронки причинности», т. е. постепенного наложения факторов, может быть использована не только в изучении электорального поведения. Показательна в этом смысле статья Мельвиля «Методология “воронки причинности” как промежуточный синтез “структуры и агента” в анализе демократических транзитов». Основная идея автора заключается в том, что в ходе анализа демократического транзита фокус исследователя должен переходить с макро- на микроуровень. Так, автор предлагает следующие условные факторы (от макро- к микрофакторам):

- внешняя международная среда;
- государство и нациеобразующие факторы;
- “современность” общества;
- социально-классовые процессы и условия;
- социокультурные и ценностные факторы, доминирующие в обществе культурно-политические ценности и ориентации;
- политические факторы и процессы;
- индивидуальные, личностные политико-психологические факторы⁴.

Работая с данной методологией, надо руководствоваться таким правилом: переход на следующую ступень в анализе должен осуществляться только тогда, когда предыдущий уровень модели уже не может больше объяснить влияние тех или иных факторов на ход транзита. Данная особенность этой методологии (изучение транзита сначала на макро-, а затем на микроуровне) позволяет смело отнести ее к синтетическим теориям. В данном случае это синтез структурной и процедурной теории.

В 1978 г. у в Латинской Америке начинаются транзиты, совпавшие с третьей волной демократизации, которая косвенно повлияла на события на континенте⁵. Началом транзита в Бразилии можно считать 1974 г., когда состоялись выборы в региональные легислатуры страны. Именно в этот год увеличилось представительство

² Михалева Г.М. Режимные переходы: основные концепции // Отечественные записки. 2013. № 6 (57). С. 29.

³ Мелешикина Е.Ю. «Воронка причинности» в электоральных исследованиях // ПОЛИС. Политические исследования. 2002. № 5. С. 47.

⁴ Мельвиль А.Ю. Методология «воронки причинности» как промежуточный синтез «структуры и агента» в анализе демократических транзитов // Полис. Политические исследования. 2002. № 5. С. 56.

⁵ Демократизация: Учеб. пособие / Сост. и науч. ред. К.В. Харпфер, П. Бернхаген, Р.Ф. Инглхарт, К. Вельцель; Пер. с англ. под науч. ред. М.Г. Миронюка; Предисл., сост. указателя М.Г. Миронюка; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 390.

оппозиционных депутатов в региональных legislatures, а также в нижней и верхней палате парламента Бразилии.

Первый уровень воронки причинности – внешняя международная среда. Во многих странах Латинской Америки (Чили, Мексика, Аргентина, Венесуэла и др.) у власти находились военные. Бразилия не была исключением. Как и у многих соседей, в 1960-е гг. страну возглавил человек из силовых структур: это был генерал Умберту ди Аленкар Кастелу Бранку. На пост президента он вступил после упразднения Конституции 1946 г., которая запрещала военным занимать политические должности. К 1970-м гг. на континенте начались транзиты во многих странах, что совпало с третьей волной демократизации (1974–1988 гг.)⁶, это было определенным толчком к началу транзита и в Бразилии. Однако не только события, происходящие на континенте, подтолкнули начало системных трансформаций: этому способствовали и США⁷, для которых были важны инвестиции, вложенные в развитие экономик стран Латинской Америки.

Второй уровень воронки причинности – государство и национально-образующие факторы. Данный уровень включает в себя наличие единой территории, единого государства, чувства национальной идентичности и т. п. Хотя в Бразилии на начальных этапах существовала проблема распределения полномочий между штатами, это не сделало население Бразилии разнородным. Проблема целостности территории в стране никогда не стояла, за исключением конца XIX в., когда Бразилия была колонией Португальского королевства. Важно отметить то, что бразильцы имеют склонность к этатизму, что выражается в их убежденности в ключевой роли государственных институтов и восприятии государства как структуры, способной дать «ответ на все вопросы и чаяния»⁸. С другой стороны, граждане Бразилии склонны к персонификации власти и политики в целом: эта особенность подтолкнула население Бразилии к поддержке региональных элит, которые смогли консолидировать движение за демократизацию страны в 1970–1980-х гг. Можно сказать, что именно наличие сильной региональной власти и вера в нее местных жителей помогли бразильскому транзиту.

Третий уровень модели – «современность» общества. Под этим понимается общий уровень социально-экономического развития и модернизации, на котором находится государство на момент начала транзита. Период с 1968 по 1973 г. отметился в Бразилии экономическим ростом, превышавшим 10%⁹. Ведущими отраслями были металлургия (производство стали), цемент и энергетика, размещение производств было сосредоточено в южной и центральной Бразилии, что стало причиной увеличения разницы между доходами, получаемыми различными регионами страны. Данное обстоятельство позволяло штатам, где находились крупные промышленные производства, извлекать максимальную пользу (улучшенная инфраструктура, достаток рабочих мест, получать квалифицированные кадры). Помимо социальных благ, наиболее развитые штаты в лице Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Рио-Гранди-ду-Сул получили большее влияние в бразильском парламенте, чем другие субъекты

⁶ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века: Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2003. С. 26.

⁷ Демократизация: Учеб. пособие. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 390.

⁸ Борик А. Политическая культура Бразилии [Электронный ресурс]. URL: <https://brasil.ru/articles/politicheskaya-kultura-brazilii> (дата обращения 08.07.2020).

⁹ Захаров А.А. Диктатура и федерация, или Бразильский мезальянс // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2016. № 4 (108). С. 81.

федерации. Развитию экономики в Бразилии способствовали также иностранные инвестиции и экспорт, превышающий импорт. Суммируя все вышеописанное, можно прийти к выводу, что на момент 1970-х гг. Бразилия была динамично развивающимся государством, однако это порождало неравенство внутри страны. Важно отметить, что налоговая политика Бразилии способствовала зависимости штатов от дотаций центра, так что доходы, получаемые от экспорта и промышленности, не шли на развитие других штатов, а по большей части инвертировались в самые развитые. Такая политика способствовала тому, что общий уровень социально-экономического развития в штатах Бразилии разнился от штата к штату.

Четвертый уровень воронки состоит из социально-классовых процессов и условий. Здесь значение имеют степени социальной дифференциации и развития общества, взаимоотношений между классами и социальными группами. 1960–1970-е гг. отметились ускоренным экономическим ростом («бразильское чудо»)¹⁰, что позволяло не только провести в стране социальные реформы в сфере образования и здравоохранения, но и обеспечить стабильность военного режима минимум на два десятилетия вперед. Помимо улучшения уровня жизни бразильцев, правительство также подавляло массовые профсоюзные и студенческие движения, осуществляло незаконные аресты несогласных, применяло пытки. Стоит обратить внимание и на не менее важный феномен – юнионизм. Христианство (католицизм) в Бразилии – самая распространенная религия, только в 1980 г. 88,3%¹¹ от общего населения отнесли себя к этой конфессии. В период с 1979 по 1984 г. в Бразилии началось формирование нового юнионизма, который возник вследствие изменений отношений между католической церковью и государством. Итогом стало то, что церковь смогла сплотить самых разных идеологически и социально-классовых людей.

Пятый уровень – социокультурные и ценностные факторы, доминирующие в обществе культурно-политические ценности и ориентации. Питер Хутзагер пишет¹², что на национальном уровне демократическому транзиту присущи пересмотр политических союзов элит, поддерживающих режимы и пересмотр институциональных связей, связывающих государство и общество. Анализируя взаимосвязи между группами, можно заметить важную особенность – бразильцы, как уже отмечалось выше, имеют склонность к этатизму. Таким образом, в глазах населения на государство возлагается ответственность за уровень их благосостояния и достойную жизнь. С другой стороны, граждане Бразилии склонны к персонификации власти и политики в целом. Это означает, что при установлении авторитарного диктаторского режима, который практически всегда начинается со сворачивания демократических институтов, неизбежно за ним следует разрыв обратной связи граждан и центральных органов власти. В условиях чрезмерной персонификации политики это подтолкнуло население Бразилии к поддержке региональных элит, которые никак не были связаны с центральной властью военных. Это породило ситуацию, при которой даже при урезанных демократических и федеративных ин-

¹⁰ *Мадатов А.С.* Региональные особенности демократизации: демократические транзиты и проблемы консолидации демократии в Латинской Америке. Статья 1 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2008. № 2. С. 8.

¹¹ *Coutinho R.Z., Golgher A.B.* The changing landscape of religious affiliation in Brazil between 1980 and 2010: age, period, and cohort perspectives [Электронный ресурс]. URL: https://www.scielo.br/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0102-30982014000100005 (дата обращения 08.07.2020).

¹² *Houtzager P.P.* Social Movements amidst Democratic Transitions: Lessons from the Brazilian Countryside // *The Journal of Development Studies*. 2000. № 5. P. 60.

ститутах региональные элиты продолжали оставаться важными политическими акторами, обладающими широкой поддержкой бразильских граждан.

Шестой уровень модели включает в себя политические факторы и процессы. С приходом 1974 г. режим решил разобраться с региональной элитой. На фоне экономического успеха и обособленности субъектов от центра правительство Эрнесту Гейзеля решило устроить впервые за долгое время конкурентные выборы для укрепления легитимности действующей власти. Результаты выборов 1974 г. были неожиданными. Количество мест оппозиции увеличилось в региональных легислатурах, в нижней палате количество мест увеличилось почти в три раза, а в верхней палате почти половину мест заняли оппозиционные кандидаты. Эта победа стала следствием того, что диктатура полностью не устранила федеративные и демократические институты в Бразилии, тем самым оставив для потенциальной оппозиции возможность стать полноценным политическим актором. Национальный союз обновления (НСО), имеющий статус «вечно правящей» партии, столкнулся с угрозой потери большинства в выборных органах, так как существовавшая двухпартийная система предполагала, что победитель получает все, а проигравший ничего. В связи с этим в 1979 г. в Конгресс был внесен на рассмотрение закон, который разрешал многопартийность. Этот закон был инициирован НСО, в надежде на то, что оппозиционный лагерь БДД (Бразильское демократическое движение) распадется, а их конкуренты разберут места, тем самым обеспечив победу образованной из прошлой партии власти СДП (Социально-демократическая партия). В лагере оппозиции действительно произошел раскол: БДД была переименована в ПБДД (Партия бразильского демократического движения), а также возникло еще несколько партий. Выборы состоялись в 1982 г. По итогу голосования, которое происходило на всех уровнях власти (кроме президента), оппозиция набрала 59% голосов от всех голосов избирателей. В новом губернаторском корпусе произошла консолидация оппозиции.

Последний седьмой уровень состоит из индивидуальных, личностных политико-психологических факторов. Следующим этапом в борьбе оппозиции за демократизацию Бразилии стали выборы президента в 1985 г. По закону Бразилии президент избирается коллегией выборщиков, а поскольку оппозиции не удалось занять большинство в данном органе, то оставалась вероятность избрания преемника Жуана Баптиста и продолжения старого политического курса. Благодаря выборам 1979 г. оппозиция могла внести на рассмотрение поправку в Конституцию 1967 г., которая предполагала избрание президента коллегией выборщиков «в состав которой входили депутаты федерального парламента и региональных легислатур»¹³. В 1983 г. вынесенную поправку поддержали многие губернаторы из блока оппозиции, помимо этого по всей стране началось движение за прямые выборы президента, которые впоследствии переросли в демонстрации. Основным лозунгом демонстраций стали зеленые плакаты «Я хочу выбрать президента!»¹⁴. Хотя приня-

¹³ Захаров А.А. Указ. соч. С. 83.

¹⁴ Там же.

тие поправки окончилось неудачей, так как не хватило нужного количества голосов в нижней и верхней палате, это не помешало выбрать в 1985 г. оппозиционного президента Танкреду Невеса.

Важным итогом демократизации Бразилии стало то, что у власти оказалась по-настоящему гражданское общество. Это подтверждается тем, что в 1985 г. властные институты сформировали способы и механизмы для наказания нарушителей прав человека¹⁵. Кроме того, в стране были ратифицированы основные конвенции и договоры, защищающие основные права человека. Стоит еще отметить то, что гражданское общество стало самообновляться, это выражалось в активном участии граждан в процессе выработки решений в самых разных сферах жизни общества, выросла роль неправительственных организаций. Настоящие результаты подтверждают, что методология «воронки причинности» постепенно вводит новые переменные в исследование согласно следующим уровням анализа, но только тогда, когда потенциал предыдущих уровней исчерпан. Кроме изучения в совокупности всех уровней «воронки», рассмотренных в данной работе, существует возможность и отдельного изучения каждого из уровней. Однако у данной методологии есть и изъян: как отметил Мельвиль, это векторность¹⁶, что выражается в ее однонаправленности по отношению к множеству причинных факторов. Стоит заметить, что «воронку причинности» можно использовать и в обратном порядке от микро- к макроуровню для изучения консолидации демократии. Подытоживая, можно сказать, что данная методология обладает огромным аналитическим потенциалом, но, к сожалению, она не лишена и изъянов. В настоящее время все еще остается огромный простор для создания новых интегративных теорий.

¹⁵ Никонова Н.А. Демократический транзит в Бразилии // Правовое поле современной экономики. 2012. № 7. С. 95.

¹⁶ Мельвиль А.Ю. Указ. соч. С. 57.

Государственная политика

УДК 328.184
ББК 66.03

А.В. Манохина

Институционализация лоббистской деятельности в Российской Федерации

В современной России практики лоббизма законодательно не закреплены и лоббистская деятельность находится вне правового поля. Тем не менее предпринимались попытки изменить ситуацию, но при этом ключевой особенностью предлагаемых проектов было использование и адаптация положений закона о лоббизме США, установление схожих принципов и норм, связанных с регистрацией лоббистской деятельности и контролем за ней. Целью данной статьи является анализ современного этапа развития лоббизма в России. Для ее достижения был проведен анализ факторов, которые влияют на степень институционализации лоббистской деятельности. Было установлено, что существует тенденция лоббирования интересов отдельных компаний, которая осложняется отсутствием исторической преемственности акторов лоббизма, их непубличностью, отсутствием понимания принципов и целей лоббистской деятельности у населения. Были выделены ключевые характеристики современного этапа институционализации лоббистской деятельности: превалирующие неформальные связи, повышенные коррупционные риски, наличие профессиональных сообществ при отсутствии самой профессии, а также отсутствие освещения проблемы на федеральном уровне с целью разъяснения принципов лоббистской деятельности гражданам России. Исходя из особенностей данного этапа, были составлены рекомендации, направленные на совершенствование лоббистской деятельности в России.

Ключевые слова: лоббизм, институт лоббизма, лоббистская деятельность, группы интересов, взаимодействие общества и государства

В настоящее время наблюдается острая необходимость в разработке современного механизма, который смог бы обеспечивать легальное воздействие групп интересов на органы государственной власти. Пандемия и связанные с ней ограничения наглядно продемонстрировали, насколько сфера частного бизнеса в кризисных условиях зависит от власти. Встреча В.В. Путина с предпринимателями показала, что они нуждаются в помощи как материальной в виде субсидий и мер непосредственной поддержки, так нематериальной (формирования «правил игры», правового пространства, способствующего развитию предпринимательства)¹.

¹ Встреча с представителями предпринимательского сообщества [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63069> (дата обращения 08.01.2021).

Во время пандемии 2020 г. институт лоббирования в России показал свою недостаточную эффективность для целых рыночных сегментов, переживающих острое падение доходов (например, сферы общепита, проведения досуговых мероприятий, туризм и т. д.) – многие предприятия этих отраслей были вынуждены закрыться, а их сотрудники остались без работы. Проблемы становления, регулирования и осуществления лоббизма в России не находят отклик со стороны государства, что сказывается на развитии бизнеса. Взаимоотношения неформальных лоббистов с государственными структурами находятся нередко вне правового поля в силу отсутствия регулирующих лоббистскую деятельность законов. Очень часто лоббизм граничит с таким понятием, как «коррупция». Именно поэтому формализация лоббистской деятельности необходима и в контексте противодействия коррупции – проблемы, которая является в России ключевой и острой.

Первые законодательные инициативы, легализующие лоббизм, стали появляться во второй половине 1990-х гг., но, как правило, не прописывали полномочия и ограничения лоббистов, ограничиваясь только мерами, направленными на их регистрацию. В 2003 г. политическая партия «Союз правых сил» разработала и представила собственный законопроект о лоббизме, который, однако, был отозван в 2005 г.² В январе 2019 г. заместитель председателя комитета Госдумы по безопасности и противодействию коррупции Анатолий Выборный выступил с инициативой разработки законопроекта о легализации института лоббизма в России³. Но данная инициатива также не получила развития.

Стоит отметить, что, как правило, предложенные законопроекты базировались на американской модели, основой которой является полная отчетность о предпринятых действиях со стороны лоббистов, регистрация их деятельности. Обязательной также является регистрация клиентов и ежеквартальный отчет, который раскрывает сумму дохода клиента. Также обязательным пунктом является указание конкретных лоббированных государственных органов, а также проблемы и тематики лоббирования. В предоставляемых отчетностях фиксируется каждый предпринятый шаг для того, чтобы избежать коррупции⁴.

По мнению Р.В. Зелепукина, ряд проблем, которые препятствуют построению системы правового регулирования лоббирования в России, можно решить с «помощью правовой институционализации, например, монополизации различных экономических и общественных сфер деятельности экономически и (или) политически сильными субъектами⁵. Соглашаясь с этой позицией, рассмотрим, что можно понимать под понятием «институционализация лоббистской деятельности». Это явление можно рассматривать как «организованный процесс влияния заинтересованных лиц и их групп на институты публичной власти с целью учета своих интересов в решениях правотворческого характера, содержащих общеобязательные, формально определенные предписания»⁶. Возможности же для деятельности профессиональных лоббистов показывают степень институционализации самого лоббизма в том или

² Когда ты сталкиваешься с убийством – ты об этом сообщаем, когда с коррупцией – нет [Электронный ресурс] // Знак. URL: https://www.znak.com/2020-10-15/pochemu_v_rf_ne_prinimayut_zakon_o_lobbizme_i_chno_s_drugimi_antikorrupcionnymi_inicativami (дата обращения 05.01.2021).

³ В Госдуме сообщили о проработке проекта о легализации лоббизма для борьбы с коррупцией [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/5981098> (дата обращения 15.09.20).

⁴ Government lobbying in USA [Электронный ресурс] // Lexology. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=cb17b241-9bcc-419a-93f0-0fe44c878d64> (дата обращения 05.01.2021).

⁵ Зелепукин Р.В. Лоббирование в правотворчестве: вопросы теории и практики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2013.

⁶ Там же.

ином государстве, так как именно государство регламентирует методы, способы и саму деятельность лоббистов.

В современной России процесс институционализации лоббистской деятельности не завершен, но в то же время мы можем наблюдать процесс увеличения лоббистских практик, формирования каналов и методов отстаивания интересов. Уже появляются профессиональные сообщества, занимающиеся деятельностью, которую можно в некоторых аспектах рассматривать как схожую с лоббистской (например, деятельность Центра по изучению проблем взаимодействия бизнеса и власти)⁷.

На само же становление лоббизма как института влияет множество факторов. А.А. Сучкова предлагает выделять следующие:

1) политические, которые включают в себя особенности режима, взаимодействия общества и государства, а также механизм принятия решения;

2) исторические – традиции взаимоотношений государства и граждан;

3) социальные – наличие или отсутствие групп, которые готовы с помощью лоббистских методов отстаивать свои интересы;

4) институциональные – особенности государственного управления, его эффективность;

5) правовые;

6) идеологические – представление лоббизма в обществе⁸.

В нашей работе мы будем опираться на вышеприведенные факторы для того, чтобы понять, насколько развит институт лоббизма в России.

Анализируя первый фактор, стоит отметить, что, несмотря на существующий диалог между властью и бизнесом, процесс принятия решений в интересах бизнеса недостаточно прозрачный, так как компании, которые могли бы быть заинтересованы во влиянии на органы законодательной и исполнительной власти государства, не афишируют свою связь с персонами и структурами, которые занимаются продвижением их интересов. У некоторых депутатов Государственной думы может просматриваться тенденция внесения законопроектов, которые связаны с интересами определенных компаний (например, ряд экспертов относят А. Макарова к лоббистам транспорта, топливной промышленности, так как депутат последовательно вносит законопроекты о налоговых преференциях в сфере логистики и транспортировки грузов и товаров⁹), но сами компании эту информацию не делают публичной.

Что касается исторического фактора (традиции взаимоотношений государства и бизнеса), то он один из самых противоречивых. Формально говорить о лоббизме как институте в рамках плановой экономики СССР некорректно, хотя отраслевые интересы в органах государственной власти, безусловно, продвигались заинтересованными сторонами. Подобная деятельность могла осуществляться посредством секретарей областных и краевых комитетов КПСС. Отстаивание интересов крупных предприятий шло через представителей в коллегиях советских министерств. В то же время, естественно, не существовало никаких специализированных орга-

⁷ Центр по изучению проблем взаимодействия бизнеса и власти [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gr.ru/> (дата обращения 27.09.2020).

⁸ Сучкова А.А. Институционализация лоббистской деятельности в России как фактор повышения эффективности взаимодействия общества и государства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2018. Т. 18. Вып. 1. С. 111–116.

⁹ Оборонка, пиво, формация и дороги: что лоббируют в Госдуме депутаты от Татарстана? [Электронный ресурс] // Бизнес Online. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/440813> (дата обращения 05.01.2021).

низаций подобного «квазилоббизма» и соответствующего законодательства, которое бы регулировало эту деятельность¹⁰. Поэтому, с одной стороны, не существует какой-либо исторической преемственности для полноценной институционализации лоббизма, а с другой, сохраняется традиция, неформальных коммуникаций и «решения вопросов» в неправовом пространстве.

Анализируя наличие или отсутствие групп, которые готовы с помощью лоббистских методов отстаивать свои интересы, особое внимание следует уделить возможностям лоббирования в контексте GR – Government Relations. Можно наблюдать множество деловых ассоциаций и объединений, которые способствуют продвижению интересов различных предприятий (например, Российский союз промышленников и предпринимателей, Торгово-промышленная палата, «Опора России» и др.), а также создание специальных отделов GR в подавляющем большинстве крупных предприятий, которые на постоянной основе осуществляют коммуникацию с государственными институтами и представляют при взаимодействии с ними свои интересы. По мнению ряда экспертов, наиболее активны в этой сфере компании, которые занимаются табачными и алкогольными изделиями¹¹.

Рассматривая институциональный фактор, следует отметить, что наиболее действенные инструменты для продвижения интересов дает взаимодействие с персонами, занимающими посты председателя или заместителя председателя профильных комитетов или комиссий Государственной думы. По данным исследований Transparency International, именно руководители комитетов и комиссий в силу полномочий и статуса обладают более высоким «лоббистским» потенциалом, а также влиянием на законотворческий процесс¹². Тем не менее механизм регулирования подобной деятельности отсутствует, что может создавать высокие коррупционные риски.

Анализ правового фактора приводит к заключению о необходимости регулирования лоббистской деятельности, тем более что уже существуют предпосылки для юридического закрепления механизмов, методов и каналов лоббирования.

Идеологический фактор, связанный с образом лоббизма в обществе, показывает, что понимания сути лоббистской деятельности у населения нет. Лоббизм практически не освещается в СМИ, институтов, занимающихся популяризацией лоббизма, практически нет, просвещения общества с целью объяснения факторов, возможностей, перспектив и ограничений лоббизма не происходит.

На наш взгляд, институционализация лоббизма находится на этапе развития, для которого характерны:

- 1) превалирующие неформальные связи между бизнесом и властью;
- 2) повышенные коррупционные риски из-за отсутствия публичности в деятельности членов экспертных советов при комитетах Государственной думы;
- 3) наличие профессиональных сообществ при отсутствии профессии лоббиста как таковой;

¹⁰ Кургаева Ж.Ю., Халилова Т.В. Отраслевой и корпоративный лоббизм в деятельности предприятий по добыче и переработке углеводородного сырья // Вестник Казанского технологического университета. 2013. Т. 16. № 14. С. 274.

¹¹ Тетерюк А.С. Роль деловых ассоциаций в GR-менеджменте в России // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 10. С. 125–130.

¹² Басманова Е., Березовская О., Тельнова С. Лоббизм в Государственной Думе Федерального собрания: [Доклад] [Электронный ресурс]. URL: <https://dumabingo.ru/Лоббизм%20в%20Госдуме.pdf> (дата обращения 19.04.2021). С. 12.

4) отсутствие освещения проблемы лоббизма на федеральном и региональном уровнях в СМИ, отсутствие понимания механизмов лоббирования у населения.

Для того чтобы перейти к следующему этапу институционализации лоббистской деятельности, представляется необходимым:

1) повышение уровня осведомленности общества об институте лоббирования, его функционировании, заниматься привлечением граждан к общественной дискуссии о лоббизме и лоббистских практиках;

2) формирование позитивного образа лоббизма как универсального способа отстаивания интересов;

3) формирование и трансляция единой позиции государства, которая бы демонстрировала четкое понимание роли лоббирования в системе представительства потребностей различных групп интересов;

4) активная борьба с неправовыми методами продвижения интересов;

5) создание целостного лоббистского законодательства, которое бы в первую очередь основывалось на международном опыте, адаптированного в соответствии со национальными особенностями представительства групп интересов.

В настоящее время проект закона о лоббировании необходим государству для того, чтобы вывести этот процесс из «серой» зоны, преодолеть коррупционные риски, сформировать новую отрасль, генерирующую прибыль и являющуюся объектом налогообложения (по оценкам экспертов в случае легализации объем рынка лоббизма мог бы достигать 10–20 млрд руб. в год¹³). Также при отсутствии регулирования понижается прозрачность работы экспертных советов при комитетах Государственной думы, которая должна обеспечивать независимый анализ законопроектов.

У института лоббизма в России есть большой потенциал развития, но так как современная система представительства групп интересов адаптировалась к существующим реалиям, его легализация и переход к следующему этапу институционализации требует политической воли на уровне высшего руководства страны.

¹³ Оборонка, пиво, формация и дороги: что лоббируют в Госдуме депутаты от Татарстана? // Бизнес Online [Электронный ресурс]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/440813> (дата обращения 05.01.2021).

М.А. Никольский

Перспективы развития европейской оборонной политики

Обеспечение безопасности многосоставных политических акторов, к числу которых относится Европейский Союз (ЕС), определяется степенью интеграции и координации ресурсов входящих в них государств. Однако необходимый интеграционный процесс в данной области сталкивается на пространстве Европы с постоянным противодействием со стороны национальных государств, отстаивающих собственную субъектность и стремящихся ограничить развитие общеевропейского объединения только теми сферами, которые затрагивают ее в наименьшей степени. Маастрихтский договор институционально оформил Общую политику безопасности и обороны (ОВПО) на межправительственном уровне, заложив механизмы «общих позиций» и «совместных действий», к которым позднее через Амстердамский договор были добавлены «общие стратегии». В целом развитие обеспечения безопасности в ЕС обуславливалось столкновениями двух позиций по данному вопросу: первая предусматривала обеспечение безопасности Европы в основном силами НАТО, где со всей очевидностью ключевая роль принадлежит США, вторая делала акцент на необходимости выстраивания автономных европейских институтов в дополнение к уже существующим. После выхода Великобритании из ЕС возобладала вторая тенденция, однако необходимые интеграционные процессы не получили своего дальнейшего развития из-за существенных различий во внешнеполитических интересах ключевых игроков континентальной Европы – Франции и Германии. Сформировавшийся в последние годы проект Постоянного структурированного сотрудничества по вопросам безопасности и обороны (PESCO) в большей мере отвечает приоритетам ФРГ, делающей акцент на необходимости особого развития интеграции государств-членов ЕС. Выдвинутая Францией стратегическая концепция Европейской интервенционной инициативы (ЕИИ), напротив, предполагает, что ее участниками могут стать все государства Европы, включая вышедшую из ЕС Великобританию.

Ключевые слова: Европейский Союз, европейская система безопасности, Брекзит, PESCO, Европейская интервенционная инициатива

Обеспечение безопасности является одной из ключевых проблем с точки зрения гарантии стабильного положения государств и их объединений на международной арене. Практическое решение данной проблемы связано с возможностями институциональной мобилизации для противостояния внешним и внутренним вызовам, которая достигается через создание военных и полицейских сил, увеличение их потенциала и противодействие кризисам как на своей территории, так и на территориях, входящих

в зону интересов данного субъекта мировой политики. Для Европейского Союза (ЕС), выступающего в качестве многосоставного актора, особую роль приобретает необходимость интеграции и координации ресурсов входящих в него государств в плане организации необходимого ответа на возможные угрозы.

Необходимость развития интеграции, в том числе и в сфере безопасности, заложена в самом проекте ЕС, однако стремление к консолидации находится в постоянном противостоянии с национальными государствами, отстаивающими собственную субъектность, ограничивая развитие общеевропейского объединения только теми сферами, которые затрагивают ее в наименьшей степени.

Маастрихтский договор институционально оформил Общую политику безопасности и обороны (ОВПБ) на межправительственном уровне. Согласно данному договору, основную роль в ее формировании получили Европейский Совет, определяющий общую стратегию, и Совет Европейского Союза, вырабатывающий конкретные тактические меры по ее реализации, при достаточно слабом влиянии представительного органа ЕС – Европейского Парламента¹. Маастрихтский договор заложил механизмы «общих позиций» и «совместных действий», к которым позднее через Амстердамский договор были добавлены «общие стратегии». Особенность межгосударственного взаимодействия на таком уровне заключается в том, что решения принимаются только по тем вопросам, которые затрагивают общие для стран-участниц направления политики. «Совместные действия» являются прямой реализацией ОВПБ, при помощи которых осуществляется непосредственное воздействие на решение некоторой конкретной проблемы; «общие позиции» призваны координировать деятельность стран-участниц, «общие стратегии» скорректированные Лиссабонским договором² в «стратегические интересы, цели и основные ориентиры» позволяют выстраивать комплексный и многосторонний подход к действиям в той или иной проблемной области, в частности, по отношению к международному терроризму. Страны-участницы должны были подстраивать свои стратегии под общий координационный вектор, однако на практике этого часто не происходило из-за противоположных позиций по тем или иным вопросам.

Координация в области безопасности приобрела большую автономию с введением в 1999 г. Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО), являющейся составной частью ОВПБ, а в целом – механизмом межправительственной координации. Данная особенность определяет снижение интенсивности политической и военной интеграции, поскольку на всех уровнях принятия решений главными акторами остаются государства. Это дополняется, во-первых, отсутствием у ЕС автономных военных сил и единых военно-управленческих структур, в результате чего операции проводятся войсками стран-участниц в формате «Берлин плюс» с привлечением сил НАТО; во-вторых, отсутствием четкого механизма по разрешению конфликтов, что делает систему более непредсказуемой; в-третьих, высокой ролью влияния политического контекста на стратегическое планирование.

¹ Treaty on European Union // Official Journal of the European Communities. 1992. Vol. 35. July 29. № C-191.

² Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007 // Official Journal of the European Union. 2007. Vol. 50. December, 17.

В целом развитие обеспечения безопасности в ЕС исторически было обусловлено столкновениями двух позиций по данному вопросу: атлантической (Великобритания) и европоцентричной (Франция, Германия). Первая предусматривала обеспечение безопасности Европы в основном силами НАТО, где со всей очевидностью ключевая роль принадлежит США, вторая делала акцент на необходимости выстраивания автономных европейских институтов в дополнение к уже существующим. До определенного момента это противостояние практически сводило возможные инициативы на нет, однако существенные коррективы были внесены событиями 2016 г. Избрание президентом США Д. Трампа и его внешнеполитическая стратегия подтолкнули ЕС к трансформации системы безопасности, что объясняется снижением стремления Соединенных Штатов контролировать обеспечение безопасности Европы через финансирование НАТО и перенесением центра американского внимания на Азиатско-Тихоокеанский регион.

Не менее заметное влияние оказал и Брекзит – выход Великобритании из Европейского Союза. Скептические настроения, существовавшие в Соединенном Королевстве с момента его вступления в ЕС, в результате проведения референдума в мае 2016 г. вылились в победу евроскептиков, что обусловило необходимость разработки и реализации сценария прекращения членства Великобритании в Евросоюзе. По данному вопросу позиции Брюсселя и Лондона существенно расходились, однако в конечном счете реализовался так называемый мягкий вариант: политическое измерение Брекзита было закреплено 31 января 2020 г., когда представители Соединенного Королевства вышли из органов управления ЕС. Однако переговоры в экономической области оказались безрезультатными: положения Билля о внутреннем рынке, принятого британским парламентом, нарушают ранее достигнутые договоренности с Евросоюзом, благодаря которым Брекзит стал возможным³.

Наряду с правовыми и экономическими последствиями Брекзит привел и к необходимости корректировки оборонной политики ЕС. Если очертить потерянные Европейским Союзом возможности, то на первый план, безусловно, выступает военный потенциал Соединенного Королевства, обладающего одной из самых мощных армий в мире, которая находится на 8-м месте, сразу после французской, являясь при этом одной из двух ядерных держав объединения⁴. Кроме того, Евросоюз теряет доступ к уникальным возможностям разведки Великобритании, обусловленным «особыми отношениями» с США и «Альянсом пяти глаз» – организации, созданная для взаимодействия в сфере обеспечения технической интероперабельности военно-морских сил англоязычных стран. Это обуславливает необходимость активного взаимодействия ЕС с НАТО, что отрицательно сказывается на стремлении «объединенной Европы» к геополитической автономии.

Необходимость пересмотра европейской политики безопасности обусловлена столкновением с такими возрастающими в настоящее время угрозами, как международный терроризм, массовая миграция и кибератаки. Существенное влияние продолжают ока-

³ Гашков И. Brexit после Brexit: Великобритания и Евросоюз возвращаются в прошлый год [Электронный ресурс] // ТАСС. 2020. 18 сентября. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9476553> (дата обращения 17.01.2021).

⁴ Захаров И. Рейтинг армий мира 2021 по версии Global Firepower [Электронный ресурс] // Basetop: Топ-рейтинги мира. 2021. 16 января. URL: <https://basetop.ru/rejting-armij-mira-2021/> (дата обращения 17.01.2021).

зывать и стратегические просчеты в рамках ОВПБ: попытка создания «пояса добрососедства» способствовала лишь расшатыванию системы безопасности после того как она была подорвана Арабской весной и украинским кризисом⁵. Указанные обстоятельства актуализировали разработку государствами – членами ЕС программы, получившей название Постоянного структурированного сотрудничества по вопросам безопасности и обороны (PESCO).

Цель данного института состоит в развитии уже приобретенного опыта сотрудничества в данной области государств-членов Европейского Союза и выведении его на более масштабный уровень. Суть его состоит в координации создания ряда проектов, способствующих повышению обороноспособности как отдельных государств, так и Евросоюза в целом (на данный момент существует 47 подобных проектов: Европейское медицинское командование, Наблюдение и защита в портах и на море, Военная мобильность и т. д.). Указанные проекты определяются в ответственность конкретных стран-участниц, что позволяет за счет сложившейся специализации оптимизировать оборонный бюджет: так, «Радионавигационное решение ЕС» находится под кураторством Франции, «Кибер- и информационный доменный координационный центр» – Германии и т. д. PESCO дополняется Европейским фондом обороны, за счет которого осуществляется финансовая поддержка проектов, и Скоординированным годовым обзором обороны (CARD), предлагающим новые инициативы и проекты⁶. PESCO рассматривается как один из шагов на пути к созданию Европейской армии⁷, способной удовлетворить запрос на возможность геополитической автономии, который выявил Европарламент, приняв большинством голосов резолюцию «Об усилении централизации ЕС и общей европейской армии».

Реализация на практике данной институциональной возможности показала, что, несмотря на ряд определенных достижений, связанных как с потенциальным обеспечением роста военной мобильности, так и с повышением в этой связи бюджетных затрат на оборону, большинство разрабатываемых проектов не отличаются действительно стратегическим размахом⁸. Это объясняется различием в интересах ключевых игроков ЕС – Франции и Германии, – продиктованным в целом несовпадающими векторами их политики.

Для Германии наиболее существенными политическими моментами выступают, во-первых, неотделимая идентичность страны и ЕС, определяющая необходимость особого развития европейской интеграции; во-вторых, ей как государству, делающему во многом упор в сфере политики на экономику, особо важна сфера оптимизации военного бюджета; в-третьих, геополитические устремления Германии завязаны главным образом на Центральную и Восточную Европу и в меньшей степени – на Африку и Ближний Восток; в-четвертых, страна демонстрирует стремление избегать прямого участия в военных конфликтах, что приводит к повышению в данной сфере значимости НАТО. Все это определяет необходимость участия в проектах, подобных PESCO, максимально возможного количества участников.

⁵ Борко Ю.А. Евросоюз в XXI веке: прошлые успехи – не гарантируют будущего // Проблемы европейской безопасности: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Т.Г. Пархалина; Сост. Г.И. Кутырев, Ф.О. Трунов. М.: ИНИОН РАН, 2016. С. 27.

⁶ About PESCO [Электронный ресурс] // PESCO: Permanent Structured Cooperation. URL: <https://pesco.europa.eu/> (дата обращения 17.01.2021).

⁷ PESCO: Ein Meilenstein auf dem Weg zur Verteidigungsunion [Электронный ресурс] // Bundesministerium der Verteidigung, 2017. November 13. URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/pesco-ein-meilenstein-auf-dem-weg-zur-verteidigungsunion-19806> (дата обращения 17.01.2021).

⁸ Шейко Ю. Год ПЕСКО: чего добился ЕС в сфере военного сотрудничества [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. 2019. 15 мая. URL: <https://p.dw.com/p/3IUGg> (дата обращения 17.01.2021).

В противовес Германии, политический вектор Франции характеризуется: во-первых, геополитическим вниманием к Югу, несущему ей ощутимую угрозу, во-вторых, богатым опытом прямого участия в ряде военных конфликтов, в-третьих, способностью политически-оперативно развивать военное участие, в-четвертых, с учетом названных обстоятельств, проект PESCO, по сути, может рассматриваться как инструмент увеличения политического влияния страны в рамках Евросоюза. Это и определяет стремление Франции видеть формат PESCO более монолитным, с меньшим количеством участников, готовых, однако, действительно стратегически выстраивать реально действующий институт.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что сформировавшийся в настоящее время проект PESCO в большой мере отвечает запросам ФРГ, чем Франции. Разочарование в данном проекте подтолкнуло Э. Макрона выдвинуть в 2017 г. стратегическую концепцию Европейской интервенционной инициативы (ЕИИ), особенность которой состоит в том, что в ней могут участвовать все европейские страны, а не только государства – члены ЕС. Данная концепция, несомненно, отвечает интересам Великобритании, у которой после Брексита отсутствует возможность институционального развития военно-стратегического сотрудничества с Европейским Союзом в рамках PESCO. Целью ЕИИ было создание общих интервенционных сил, формулирование общей военной доктрины и формирования общего оборонного бюджета. В настоящее время ЕИИ включена в рамки PESCO, в нее вошли девять стран: Бельгия, Великобритания, Германия, Дания, Испания, Нидерланды, Португалия, Франция, Эстония. Особенностью соглашения стало не формирование отдельных сил ЕИИ, а использование уже имеющихся сил Евросоюза⁹.

Таким образом, автономная система европейской обороны развивается в двух плоскостях: через создание общеевропейских институтов, поднимающих общий уровень обороноспособности Евросоюза, и через развитие «горизонтальных» проектов в рамках взаимодействия национальных государств. В связи с выходом из ЕС Великобритании, являющейся одним из самых влиятельных игроков региона, в обоих направлениях наблюдаются заметные качественные изменения. Это актуализирует как институциональное строительство внутри самого европейского интеграционного проекта (PESCO), так и развитие двухсторонних соглашений в данной области, направленных на создание институтов, альтернативных формируемому ЕС (ЕИИ).

⁹ Тимофеев П.П. Сравнительный анализ приоритетов Франции и ФРГ в развитии PESCO // Анализ и прогноз: Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 2. С. 33–47.

Политические коммуникации

УДК 659.4
ББК 66.05

А.В. Шаповалова

PR-технологии в коммуникационном сопровождении непопулярных политических решений

Статья посвящена анализу применения PR-технологий, используемых для информационного сопровождения процесса принятия так называемых непопулярных политических решений. Такие решения могут быть связаны со снижением уровня удовлетворения базовых потребностей граждан либо приводить к последствиям, входящим в противоречие с устоявшимися общественными ценностями, или обозначать резкую смену привычного уклада жизни. В некоторых случаях политические решения становятся непопулярными и негативно воспринимаются гражданами вследствие ошибочной реализации на местах или недостаточной информированностью общества. Принятие любого решения нуждается в легитимации, которая включает в себя наряду с юридической стороной и социальную составляющую, связанную с обеспечением его общественного признания и поддержки. Это предполагает необходимость прогнозирования возможной реакции целевой аудитории еще на этапе разработки потенциально непопулярного решения и возможность его корректировки с учетом настроений и запросов большинства с целью не допустить эскалации напряженности. Однако если на этапе разработки решения не были приняты указанные меры, то на этапе его реализации PR-специалисты обычно обращаются к использованию технологий широкого информирования общественности и приемам манипулятивного воздействия на массовое сознание. Одним из возможных способов подобного воздействия является отвлечение внимания аудитории от действительных проблем на другие, менее существенные, а нередко – и на искусственно созданные. Кроме того, есть основания полагать, что длительное и напряженное освещение в средствах массовой информации проблематики, связанной с ростом насилия, террористическими актами и другими угрозами общественной безопасности, может предшествовать принятию решений, ограничивающих гражданские свободы.

Ключевые слова: принятие решений, непопулярное решение, политическая коммуникация, PR, манипулятивные технологии, постправда

Согласно части 1 статьи 3 Конституции Российской Федерации: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ»¹. Это предполагает, что все политические решения должны приниматься исходя из потребностей народа и в соответствии с его интересами. Следовательно, процесс их принятия должен быть открытым и публичным, однако современная практика нередко демонстрирует примеры «закрытого» обсуждения и согласования

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. 2020. 4 июля. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/File/GetFile/0001202007040001?type=pdf> (дата обращения 19.01.2021).

проектов законов и нормативных документов, происходящего вне публичного поля. Данный феномен порождает проблему принятия непопулярных политических решений, которые могут привести к эскалации напряженности в обществе.

При неизбежности противоречивого характера принимаемых решений профессионально организованное медиасопровождение способно значительно снизить активизацию протестных настроений. В современном обществе наряду с традиционными методами пропагандистского воздействия на массовое сознание используются и новые приемы «политики постправды», ставящие своей целью вызвать со стороны аудитории определенную эмоциональную реакцию.

Под непопулярным политическим решением мы, в первую очередь, понимаем такое государственное публичное решение, которое негативно влияет на степень удовлетворения базовых потребностей граждан. Возникновение проблем, связанных с продовольственным обеспечением, жильем, экологией, безопасностью, способно активизировать процесс усиления недовольства властью. Ярким примером такого решения является программа «Реновация» по расселению пятиэтажных жилых домов в Москве. По результатам социологических опросов, около трети респондентов уверены, что их жилищная ситуация останется прежней или даже ухудшится. Кроме того, всего 6% опрошенных осведомлены обо всех гарантиях и условиях переселения. Среди причин недовольства москвичи назвали ущемление прав жильцов (37%) и простое нежелание переезжать (21%)². Таким образом, неудовлетворенность потребности большого числа людей в улучшении жилищных условий, сочетаясь с недостаточной информированностью о предпринимаемых действиях, привела к активизации протестных настроений и выражению открытого недовольства властью на массовых митингах.

Следует отметить, что не все непопулярные решения связаны с проблемой удовлетворения потребностей общества: целью некоторых из них может быть, например, сохранение существующей политической системы и воспроизводство ее в неизменном виде. Однако в большинстве случаев непопулярные решения либо входят в противоречие с устоявшимися общественными ценностями, либо обозначают резкую смену привычного уклада жизни. Примером подобного решения в современной российской практике можно, в частности, считать повышение пенсионного возраста, которое было негативно воспринято практически всеми слоями населения и привело к падению рейтинга доверия граждан к власти и президенту³.

По своей сути, непопулярные решения могут быть правильными и эффективными, однако их негативное восприятие нередко связывается как с практикой ошибочной реализации на местах, так и с недостаточной информированностью общества. В первом случае проблема, очевидно, обусловлена внутренней коммуникацией в системе институтов власти, во втором – внешней коммуникацией между государством и обществом.

² *Мараховский В.* Реновация и люди: «разгневанные граждане» против жителей пятиэтажек [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2017. 17 мая. URL: <http://ria.ru/analytics/20170517/1494514085.html> (дата обращения 19.01.2021).

³ *Горяшко С., Фохт Е.* Пенсионная реформа обрушила рейтинг Владимира Путина: в чем ошибся Кремль? [Электронный ресурс] // BBC News: Русская служба. 2018. 22 июня. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-44582082> (дата обращения 19.01.2021).

Любое политическое решение нуждается в легитимации, которая состоит из двух компонентов: юридического, связанного с оформлением данного решения в виде закона или нормативного акта, и социального, связанного с обеспечением его общественного признания и поддержки.

Юридическая сторона вопроса лежит вне компетенции специалистов в области коммуникации и, как правило, не вызывает больших проблем. Что же касается социального аспекта, то здесь открывается широкое поле возможностей для построения информационного взаимодействия с обществом в плане поиска путей обеспечения необходимой поддержки.

Оптимальный вариант построения такого взаимодействия основывается на прогнозировании возможной реакции целевой аудитории еще на этапе разработки потенциально непопулярного решения. Необходимо заранее оценить общественное настроение, степень информированности общества о существующей проблеме и возможных путях ее решения. На этапе обсуждения при проведении соответствующей работы представляется возможным скорректировать решение в соответствии с запросами большинства и тем самым не допустить эскалации напряженности. Поэтому для специалистов в области коммуникации крайне важно уметь в этих целях своевременно выстраивать эффективную двустороннюю связь между институтами власти и обществом.

Однако если на этапе разработки решения не были предприняты необходимые меры, то на этапе его реализации действия PR-специалистов требуют быстроты и четкости. В подобных случаях применяются и технологии широкого информирования общественности, и приемы манипулятивного воздействия на сознание аудитории.

Политика информирования может осуществляться с помощью СМИ и социальных сетей, а также различных мероприятий и встреч, приуроченных к решению возникшей проблемы. Подобные методы информирования, несмотря на кажущуюся простоту, тем не менее нуждаются в тщательной и продуманной проработке.

Что касается приемов манипулирования общественным сознанием при помощи СМИ, то одним из наиболее популярных способов подобного воздействия является отвлечение внимания аудитории от действительных проблем на другие, менее существенные, а нередко – и на искусственно созданные, не имеющие реального значения. Также можно, наоборот, сосредоточить внимание на какой-либо одной серьезной проблеме и предложить «от имени общественности» такой путь ее решения, который представляется необходимым для власти. Достоверных примеров применения данной схемы, носящей название «проблема – реакция – решение», ни в отечественной, ни в зарубежной практике не существует, однако можно предположить, что рост насилия, теракты и угроза безопасности жизни граждан могут стать причиной для принятия решений, ограничивающих гражданские свободы. В частности, есть основания полагать, что длительное и напряженное освеще-

ние американскими СМИ террористических актов 11 сентября 2001 г. и их последствий подготовило общественное мнение США к одобрению разработки автоматизированной системы сбора и обработки персональной информации, известной под названием «Тотальная информированность», которая охватывает своим контролем «электронную почту, данные о кредитных картах и банковских операциях, сведения о путешественниках и туристах», объединяя при этом «коммерческие базы данных с государственными досье, в частности, с данными спецслужб»⁴.

Для того чтобы избежать резкого всплеска напряженности и протестной активности, непопулярные решения могут реализовываться не одновременно, а постепенно и последовательно. Например, государственное регулирование Интернета в России началось, по сути, еще в 2007 г.: его первым наглядным проявлением стало создание и размещение на сайте Министерства юстиции постоянно обновляемого Федерального списка экстремистских материалов, доступ к которым должен быть заблокирован⁵, а десять лет спустя в «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» была уже императивно закреплена необходимость «совершенствовать механизмы ограничения доступа к информации, распространение которой в Российской Федерации запрещено федеральным законом, и ее удаления»⁶.

Еще один способ принятия непопулярных решений – это называть их «болезненными, но необходимыми» и добиваться согласия на принятие этих мер в будущем, поскольку массы склонны питать иллюзии относительно того, что «завтра все изменится к лучшему» и потенциальных жертв удастся избежать. Ярким примером служит уже упомянутая необходимость повышения пенсионного возраста: средства массовой информации убеждают людей, что пенсионеры могут продолжать эффективно работать еще пять лет, а возросшая продолжительность жизни этому только способствует.

Для воздействия на общественное мнение также используются приемы воздействия на эмоции массовой аудитории, свойственные «политике постправды». Поскольку в ситуациях сильной эмоциональной напряженности люди, как правило, проявляют сходную реакцию на информационное воздействие и при этом не склонны рационально и логически рассуждать о причинах или последствиях принимаемых решений, ими становится легче управлять. В данном отношении следует признать правоту Н. Хомского, который отмечал, что «скандалы, желтые страницы, колдовство и магия, сомнительный юмор и популистские акции – все хорошо для достижения одной цели – не допустить, чтобы люди имели возможность расширить свое сознание до бескрайних просторов реального мира»⁷.

Достаточно эффективным приемом выступает и культивирование чувства вины, способное породить у значительной части аудитории бездействие и неуверенность в собственных силах. В связи с этим вместо протестных настроений в обществе начинают проявляться эмоции депрессивного плана.

⁴ Грачев М.Н. «Электронная демократия» или «конец демократии»? // Политическая наука: ежегодник. Российская ассоциация политической науки. М.: РОССПЭН, 2012. С. 205–206.

⁵ Экстремистские материалы [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/> (дата обращения 19.01.2021).

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. 2017. 10 мая. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/File/GetFile/0001201705100002?type=pdf> (дата обращения 19.01.2021).

⁷ Хомский Н. 10 способов управления массами [Электронный ресурс] // Наука и жизнь. 2018. 13 мая. URL: <https://interesnosti.com/1419428339949242444/поам-хомский-10-способов-управлениа-массами/> (дата обращения 19.01.2021).

Кроме того, современные коммуникационные технологии помогают создать ощущение, что государство знает о людях больше, чем они сами, и это, в свою очередь, порождает представления о том, что существующая система институтов власти может управлять обществом лучше и эффективнее, чем оно предполагает.

Таким образом, манипулятивные технологии препятствуют развитию гражданского общества, развертыванию и поддержанию его двустороннего диалога с властью. Однако следует признать, что профессионально выстроенное информационно-коммуникационное сопровождение является действенным механизмом легитимации непопулярных политических решений, их дальнейшего восприятия общественным сознанием в качестве приемлемых, что в конечном счете позволяет снизить вероятность роста протестных настроений.

А.П. Драницына

Риторика убеждения и невербальные приемы самопрезентации в современных политико-коммуникационных процессах

Статья посвящена изучению роли убеждающей риторики и приемов невербальной коммуникации в процессе взаимодействия политических деятелей с массовой аудиторией. Автор полагает, что успешная деятельность в сфере публичной политики невозможна без использования правильно подобранных и отработанных риторических приемов, дополняемых элементами невербальной самопрезентации, которая определяется внешним видом, манерами и жестами коммуникатора. По мере развития средств массовой коммуникации публичные выступления политиков становятся все более перформативными, что сопровождается сближением политического языка со спонтанной речью благодаря интонационному выделению отдельных слов и словосочетаний, использованию эмоционально-экспрессивной и разговорной лексики. Особая роль в данном контексте принадлежит, по мнению автора, умению политиков использовать в своих публичных выступлениях яркие и образные метафорические обороты. При этом степень эффективности воздействия коммуникаторов на аудиторию во многом определяется не только особенностями их обращения к данным языковым средствам, но и соотношением «буквальных» смыслов употребляемых метафор с политическим контекстом, в котором применяется соответствующий речевой прием. Автор анализирует примеры успешного использования политическими деятелями сочетания риторики убеждения и элементов невербальной самопрезентации в ходе теледебатов. По мнению автора, «формулу Лассуэлла», используемую для описания основных составляющих политико-коммуникационных процессов, целесообразно дополнить путем включения в нее элемента, который бы отражал форму распространяемых сообщений в качестве способа представления их содержания. Данный элемент должен учитывать соответствующие речевые и невербальные характеристики, во многом предопределяющие результативность убеждающего воздействия коммуникатора на своих реальных и потенциальных сторонников.

Ключевые слова: политическая коммуникация, политический язык, убеждение, риторика, метафора, дебаты, формула Лассуэлла

Политику и властно-управленческие отношения в обществе можно рассматривать как коммуникативный процесс, предполагающий использование его участниками особых механизмов взаимодействия между собой. Одним из таких механизмов выступает язык политической коммуникации, выполняющий не только информативную, но регулятивную, или призывно-побудительную, функцию, связанную с воздействием на поведение адресата со стороны отправителя сообщения¹.

¹ Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. 2-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 17–18.

Власть в значительной степени основана на использовании языковых средств. Например, когда политический деятель пытается убедить избирателей поддержать свою кандидатуру, у последних всегда существует выбор: принять или отклонить выдвигаемые им аргументы. В данном случае коммуникативный акт предполагает взаимодействие двух сторон: политика, в той или иной мере владеющего искусством самопрезентации, и его потенциальных сторонников, воспринимающих и разделяющих соответствующие идеи. В публичной сфере формирование и использование речевых навыков играет весьма существенную роль, так как они помогают не только передавать значимую информацию, но и влиять на взгляды аудитории, воздействовать на ее выбор и поведение. По существу, риторика убеждения становится основным механизмом политической коммуникации политиков и электората во время проведения избирательных кампаний.

Применение языка убеждения способно обеспечить желаемое для коммуникатора поведение людей путем предоставления им возможности выбора того или иного варианта поведения. Например, обещание лучшего будущего часто основывается на «неправильности», неприемлемости настоящего; но сама передача подобной трактовки должна отличаться последовательностью и направленностью на активацию у аудитории укоренившихся в ее сознании, но нередко находящихся в латентном состоянии определенных идей, ценностей и чувств.

Есть основания полагать, что успешными становятся те политики, которым не только есть что сказать, но и которые оказываются способными объяснить своим потенциальным сторонникам при помощи простых и понятных слов, что «правильно» и что «неправильно»; которые могут убедить аудиторию в том, что они обладают определенными преимуществами по сравнению со своими оппонентами. Как отмечал Марк Туллий Цицерон: «...Надо в начале речи расположить слушателей в свою пользу, далее разъяснить дело, после этого установить предмет спора, затем доказать то, на чем мы настаиваем, потом опровергнуть возражения; а в конце речи все то, что говорит за нас, развернуть и возвеличить, а то, что за противников, поколебать и лишить значения»². Таким образом, успешная политическая деятельность невозможна без использования правильно подобранных и отработанных риторических приемов.

Граждане нередко строят свои суждения о конкретном политике на основе восприятия демонстрируемой им последовательности слов и действий, эффективности приводимых аргументов. Немалую роль играют и впечатления, обусловленные самопрезентацией и стилем общения политических деятелей. Самопрезентация определяется внешним видом, манерами и жестами коммуникатора. Как правило, политик «разрабатывает» свой собственный стиль общения за счет совокупного эффекта сочетания тех или иных поведенческих элементов, над которыми ему удастся установить некоторый контроль. Например, он может предпринимать символические действия – демонстрировать бодрость, физическое

² Цицерон М.Т. Об ораторе [Электронный ресурс] // История Древнего Рима: Античная литература. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1423777001> (дата обращения 19.03.2021).

здоровье, занятия спортом, направляя тем самым вполне понятные символические послания своим последователям и потенциальным сторонникам.

По мере развития средств массовой коммуникации «для публичных выступлений политиков все более характерным становится перформативный стиль общения с аудиторией, под воздействием которого меняется структура политического языка, происходит его сближение со спонтанной речью благодаря интонационному выделению отдельных слов и словосочетаний, использованию пауз, эмоционально-экспрессивной и разговорной лексики»³. Особое значение приобретает использование метафор – отдельных слов или фраз, которые звучат настолько образно, что могут предстать для понимания в некотором новом и необычном свете. В политике применение данного приема воздействует на эмоции и поведение аудитории и нередко применяется в качестве агрессивного речевого действия, приковывающего внимание зрителей и слушателей.

Привлекательность метафор способствует убеждению адресатов благодаря активизации у них подсознательных ресурсов, которые формируются на невербальном уровне, а затем развиваются с помощью языка. В данном отношении использование эмпирических методов открывает возможность исследовать эффективность коммуникативных действий на основе анализа языковых особенностей, используемых политиком, и изучения исходных, «буквальных» смыслов метафор, в понимании которых основное внимание нужно уделить политическому контексту, в котором используется данный речевой прием. По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, такое исследование должно быть построено на выявлении закономерностей, объясняющих соответствия между буквальным смыслом слов, и тем, как они метафорически используются в каком-либо конкретном случае⁴. На практике это предполагает вывод из некоторой совокупности речевых оборотов так называемой «концептуальной» метафоры, идентифицирующей образ мышления коммуникатора.

Понимание систематичности выбора метафор необходимо, если мы стремимся установить, каким образом политический язык становится более убедительным. Однако в условиях медиатизации политики, т. е. процесса, «при котором политическая жизнь перемещается в символическое пространство средств массовой информации»⁵, необходимо учитывать и механизмы невербального воздействия коммуникатора, выражающиеся прежде всего в его внешнем виде, поведении и уверенности. В условиях непосредственного общения с аудиторией приобретают особую значимость одежда и жесты политика, при выступлении по радио – тембр голоса и манера говорить, на телевидении – выражение лица и движение глаз, демонстрируемые крупным планом. Таким образом, для достижения максимального эффекта воздействия на адресатов необходимо учитывать особенности передачи сообщений различными средствами массовой коммуникации.

Действие реального медиаэффекта впервые проявилось в США в президентской кампании 1960 г., когда «великие дебаты»

³ Грачев М.Н. Трансформация политико-коммуникационных процессов в информационном обществе: от медиации к медиатизации // Российская школа связей с общественностью: альманах. 2020. Вып. 18–19. С. 23.

⁴ Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры / Под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 387–415.

⁵ Засурский И.И. Масс-медиа Второй республики. М.: Изд-во Московского ун-та, 1999. С. 29.

Дж. Ф. Кеннеди и Р. Никсона в корне изменили прежние представления о нецелесообразности использования телевидения в предвыборной борьбе. Советники Кеннеди скрыли наличие у кандидата болезни Аддисона, и публике был представлен образ стильного и энергичного лидера, который играл в гольф и занимался парусным спортом. Как отмечается в одном из современных исследований: «Еще за день до теледебатов американцы знали о Кеннеди крайне мало. К тому же он был католиком с ирландскими корнями и молодым. Оба фактора играли не в его пользу. Но 60-минутное появление в эфире с противником изменило все: за ходом дебатов следили 70 млн американцев. Фаворит предстоящих президентских выборов Никсон, только оправившийся после болезни, не знал, с чем имеет дело: он подобрал не тот костюм и в итоге сливался с фоном телестудии, выглядел уставшим и вначале даже не хотел гримироваться. Кеннеди же выглядел на экране расслабленным и уверенным»⁶.

Следует также отметить, что в ходе дебатов Кеннеди нередко обращался к «революционной риторике», утверждая, что наступавшее десятилетие должно было стать периодом революционных перемен, временем глобального выбора между свободой и порабощением, между демократией и диктатурой во всех уголках земного шара. При этом «революционную миссию США на мировой арене Кеннеди увязывал с изменениями во внутривнутриполитической жизни Соединенных Штатов, которым следовало сначала на «домашнем фронте» продемонстрировать эффективность демократических норм и ценностей в деле борьбы с бедностью, сделав их привлекательной альтернативой советскому варианту развития стран третьего мира»⁷.

«Великие дебаты» сыграли решающую роль в исходе тогдашних президентских выборов: большинство американцев решили отдать свои предпочтения Кеннеди именно благодаря телетрансляциям CBS. Таким образом, телевидение оказалось намного более влиятельным инструментом, чем это предполагалось ранее. Изменения во мнениях или даже смена предпочтений избирателей в первую очередь объяснялись восприятием имиджа кандидатов. Можно сделать вывод, что чем убедительнее ведут себя политики в плане самопрезентации, тем сильнее оказывается их воздействие на своих сторонников и «колеблющихся» избирателей.

Данное утверждение наглядно иллюстрируется и результатами теледебатов лидеров трех ведущих политических партий Великобритании – лейбористов, консерваторов и либеральных демократов, – впервые проводившихся в истории страны в канун парламентских выборов весной 2010 г. По результатам опроса, проведенного сразу же после завершения первой 90-минутной дискуссии, уверенную победу в этой встрече одержал лидер либеральных демократов Н. Клегг, получив поддержку 43 процентов опрошенных, тогда как консерватор Д. Кэмерон и лейборист Г. Браун набрали соответственно 26 и 20 % голосов телезрителей⁸. Во многом это было обусловлено тем обстоятельством, что Клегг, обладавший опытом журналистской работы, владел и определенными медианавыка-

⁶ Каневский Д. «Внимание, камера!»: Как теледебаты (не) меняли ход истории [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. 2019. 6 апреля. URL: <https://p.dw.com/p/3GMDV> (дата обращения 10.01.2021).

⁷ Конаева Е.О. Предвыборная программа Дж. Кеннеди: внешнеполитическая «стратегия мира» на «новых рубежах» // Новый век: история глазами молодых: Сборник научных трудов аспирантов и студентов. Вып. 6. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2008. С. 114.

⁸ Пахомова Е. Лидер британских либерал-демократов выиграл первый раунд теледебатов [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2010. 16 апреля. URL: <https://ria.ru/20100416/222866733.html> (дата обращения 10.01.2021).

ми: не боялся смотреть прямо в камеру и в целом держался более свободно и уверенно по сравнению со своими соперниками. Кроме того, ему была присуща и более аргументированная риторика: «Клеггу надо было убедить всех, что ждать настоящих перемен от консерваторов и лейбористов бесполезно. А вот либерал-демократы – другое дело. Поэтому в преддверии выборов Клегг сделал слово “перемены” едва ли не главным во всей своей кампании»⁹.

Лидер лейбористов Г. Браун не только проиграл своим оппонентам во всех трех раундах теледебатов, но и допустил за несколько дней до завершения предвыборной кампании непоправимую с точки зрения коммуникативной тактики ошибку. В ходе одной из встреч с избирателями он достаточно долго разговаривал с пенсионеркой, критиковавшей иммиграционную политику правительства и провалы в образовательной сфере. Эту беседу снимало телевидение, и у Брауна на лацкане пиджака был прикреплен включенный микрофон. Вежливо пообщавшись несколько минут с пожилой избирательницей, политик вернулся в свою машину и, назвав собеседницу «узколобой заикленной фанатичкой из тех, что говорят, что всегда голосовали за лейбористов», попросил помощников «впредь не допускать его встреч с такими людьми»¹⁰. Поскольку Браун не отключил микрофон, эти его высказывания прозвучали в прямом эфире и стали причиной громкого скандала, в конечном счете вынудившего политика покинуть пост лидера партии.

В свое время американский политолог Г. Лассуэлл предложил для описания и анализа коммуникационных процессов достаточно простую и в то же время наглядную логическую схему, предполагающую ответы на следующие пять вопросов: «Кто сообщает?» – «Что сообщает?» – «По какому каналу?» – «Кому?» – «С каким результатом?»¹¹. Данная конструкция, получившая название «формулы Лассуэлла», трактует коммуникацию преимущественно как императивный, побудительный процесс, в ходе которого отправители сообщений стремятся оказать воздействие на мнение и поведение адресатов. Как правило, она применяется в качестве обозначения круга основных проблем, находящихся в предметном поле политической коммуникативистики: изучения коммуникаторов, исследования содержания сообщений, средств коммуникации, аудитории и результатов информационного воздействия.

Впоследствии многие исследователи справедливо отмечали, что в теоретическом плане «формула Лассуэлла» является весьма существенным упрощением действительности, и предлагали дополнить ее компонентами, отражающими и другие, не менее значимые стороны коммуникационных процессов. В частности, Р. Брэддок полагал, что в данную аналитическую схему следует включить еще два принципиально важных момента: при каких обстоятельствах и с какой целью направляются соответствующие сообщения¹². Однако, на наш взгляд, и такая интерпретация политико-коммуникационного процесса далеко не является исчерпывающей, поскольку она оставляет за рамками своего рассмотрения форму распростра-

⁹ Низамов Е. Дитя дебатов [Электронный ресурс] // Коммерсантъ Власть. 2010. № 16. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1357607> (дата обращения 10.01.2021).

¹⁰ Артемьев А. Гордон Браун все проиграл [Электронный ресурс] // Газета. ru. 2010. 30 апреля. URL: https://m-free.gazeta.ru/politics/2010/04/30_a_3360423.shtml (дата обращения 10.01.2021).

¹¹ Lasswell H.D. The structure and function of communication in society // The Communication of Ideas / Ed.: L. Bryson. New York: Harper and Brothers, 1948. P. 37.

¹² Braddock R. An extension of the «Lasswell Formula» // Journal of Communication. 1958. Vol. 8. P. 88–93.

няемых сообщений, представляющую собой систему образов, речевых и визуальных средств, используя которые коммуникатор стремится получить определенный эффект убеждающего воздействия на адресатов. Иными словами, в плане изучения регулятивной, или призывно-побудительной стороны политической коммуникации представляется целесообразным дополнить данную модель элементом, предполагающим по отношению к коммуникатору ответ еще на один вопрос: «Как сообщает?» или «В какой форме?» Это даст возможность, наряду с изучением содержания распространяемых сообщений, предусмотренным вторым элементом «формулы Лассуэлла», проанализировать и способ представления данного содержания с учетом соответствующих речевых и невербальных характеристик, во многом определяющих в своей совокупности результативность убеждающего воздействия коммуникатора на своих реальных и потенциальных сторонников.

Т.В. Ткаченко

Онлайн-деятельность российской оппозиции в социальных сетях

В статье рассматривается феномен погружения деятельности оппозиционных политических акторов в онлайн-среду. Представители оппозиции все более активно используют коммуникативный потенциал социальных сетей, являющихся удобными площадками для распространения политического контента и позволяющими охватить массовую аудиторию. Основным инструментом, позволяющим политическим акторам осуществлять персональную коммуникацию с гражданами, являются создаваемые сетями публичные страницы. Отмечая определенный рост интереса пользователей Интернета к оппозиционным общественно-политическим движениям, автор тем не менее полагает, что имеющиеся статистические данные не позволяют количественно оценить данное явление с убедительной степенью точности, поскольку один и тот же пользователь может быть подписчиком сразу нескольких информационных ресурсов и при этом перемещаться между различными сетевыми сообществами, свободно вступая в некоторые из них и так же свободно покидая другие. По мнению автора, существующие онлайн-платформы позволяют представителям как системной, так и несистемной оппозиции реализовывать стратегию информационного взаимодействия с массовой аудиторией, ориентированную на расширение круга своих сторонников. Вместе с тем практическое применение данной стратегии способствует образованию и воспроизводству в коммуникационном пространстве «эхо-камер» – достаточно замкнутых сетевых сообществ, ориентирующихся на деятельность конкретных политиков или на решение какой-либо конкретной проблемы. Участники таких сообществ стремятся оградить себя от воздействия внешних источников, распространяющих как альтернативную, так и аналогичную, но «конкурирующую» информацию. Автор полагает, что указанное обстоятельство скорее способствует не консолидации неоднородных оппозиционных сил, а напротив, сохранению их существующего разобщения.

Ключевые слова: политическая коммуникация, оппозиция, публичная политика, социальные сети, Интернет

В настоящее время стремительно развиваются глобальные процессы цифровизации всех сторон жизни современного общества, и поэтому многие граждане и создаваемые ими общественные объединения все более активно используют в своей повседневной практике различные онлайн-платформы. Во многом это обусловлено их стремлением применять эффективные механизмы интерактивной коммуникации, появление которых стало возможным благодаря стремительному распространению и расширению доступности сети Интернет. Онлайн-платформы спо-

собны обеспечивать политическую коммуникацию в формате диалога, когда «индивиды общаются непосредственно между собой, игнорируя посредников и самостоятельно выбирая время, место и тему информационного обмена», и при этом соблюдается «своеобразное “горизонтальное равенство” участников информационного обмена, в противоположность “вертикальному” принципу “руководства – подчинения”»¹. Принципиальная особенность социальных сетей заключается в том, что стороны, включающиеся при их посредстве в коммуникационный процесс, могут менять свои роли, попеременно выступая то в качестве коммуникаторов, то в качестве реципиентов.

Использование сетевых площадок отдельными политическими акторами позволяет им осуществлять персональную коммуникацию с гражданами путем создания публичных страниц. Аккаунты в социальных сетях предоставляют возможность не только распространять политически значимый контент, но и проводить опросы общественного мнения по тем или иным актуальным проблемам. Еще одним преимуществом социальных сетей является возможность нацеливания коммуникации на определенную аудиторию в зависимости от поставленных задач. Так, обращение к социальной сети «ВКонтакте» предполагает главным образом взаимодействие с молодежью, применение определенных хэштегов в сети «Instagram» позволяет дифференцировать ее пользователей в зависимости от их конкретных политических предрасположенностей, а ресурс «Одноклассники» предполагает установление контактов с более взрослой аудиторией, большинство которой составляют люди старше 45 лет. Таким образом, политические акторы получают возможность реализовывать на практике направленную, адресную коммуникацию, учитывающую социально-демографические характеристики пользователей социальных сетей и их интересы.

Очевидно, что коммуникационный потенциал онлайн-платформ привлекает внимание представителей политической оппозиции, под которыми в данной статье понимаются как отдельные, индивидуальные акторы, так и группы лиц, объединения или движения, выражающие альтернативные позиции по отношению к действующей власти. Важно отметить, деятельность оппозиции на онлайн-площадках имеет чаще всего неформализованный характер. Социальные сети предоставляют возможность транслировать сообщения, необходимые для создания определенного образа действительности, отвечающего интересам коммуникатора, и тем самым становятся инструментом для построения соответствующей ценностной картины мира в рамках конкретных Интернет-сообществ.

Данные механизмы широко используются как системными, так и несистемными политическими силами. К первой категории можно, в частности, отнести такие политические партии, как «Яблоко» и ЛДПР. Применительно к последней стоит обратить внимание на то обстоятельство, что ее деятельность не является полностью оппозиционной, а лишь имеет протестный характер по некоторым вопросам.

¹ Грачев М.Н. Политическая коммуникация: от вещания к диалогу // Права человека в диалоге культур: Материалы междунар. науч. конф., 26–28 ноября 1998 г. М.: РГГУ, 1998. С. 142.

Партия «Яблоко» проводила протестные акции в онлайн платформах «ВКонтакте»² и «Twitter»³ по вопросу присоединения Крыма, однако особое место в ее коммуникационной активности занимает проблематика, связанная с защитой прав политических заключенных. Используя возможности сетевых структур, партия организует митинги и другие общественные мероприятия, а также распространяет политические открытки, призывая пользователей пересылать их своим друзьям, самим заключенным или в органы власти. Применение данного механизма нацелено на расширение аудитории сторонников партии, привлечение внимания потенциальных избирателей.

ЛДПР отличается высокой активностью в социальных сетях, направленной, прежде всего, на приобщение молодежи к своей политической деятельности. На странице партии в сети «ВКонтакте» публикуются новости, анонсы политических акций, опросы протестного характера⁴. Однако собственно протестные действия ЛДПР остаются в рамках онлайн-активности; тем не менее, апеллируя к острым социальным проблемам, партия успешно продвигает свой политический бренд. В последнее время на партийных страницах в социальных сетях особое внимание уделяется поддержке С.И. Фургала, представителя партии ЛДПР, занимавшего должность губернатора Хабаровского края, который был арестован летом 2020 г. по обвинению в организации особо тяжких преступлений, совершенных, по версии следствия, в 2004–2005 гг.⁵

Яркий пример деятельности несистемной оппозиции на онлайн-платформах демонстрируют «Команда Навального» и ее лидер, широко использующие социальные сети в качестве эффективного инструмента для построения собственного имиджа. Аккаунт самого А.А. Навального в социальной сети «Instagram»⁶ в 2018 г. насчитывал 693 тыс. подписчиков, а летом 2020 г. данная цифра составляла почти 2 млн человек. Деятельность политика и его команды в социальных сетях ориентирована исключительно на молодежь и отличается активным использованием обратной связи с аудиторией. Участие в политических онлайн-дискуссиях и отслеживание реакции сетевого сообщества позволяют им формировать имидж А.А. Навального как современного открытого лидера общественного мнения, что способствует увеличению числа его сторонников и росту протестных настроений в молодежной среде. «Команда Навального» также использует социальные сети для агитации среди граждан, а также информирования массовой аудитории о предстоящих митингах и иных протестных акциях. Данное политическое движение имеет целую сеть публичных страниц своих региональных филиалов, которые кооперируются с центральной онлайн-группой для координации действий, распространения пропагандистских материалов и публикации тематических статей⁷. Благодаря тому что блогосфера социальных сетей, как и сам Интернет, не имеет строгого правового базиса, блокируемые в социальных сетях группы данной структуры воссоздаются под новыми адресами в течение сравнительно небольших отрезков времени. Следует отметить, что протестная деятельность «Команды Наваль-

² Партия ЯБЛОКО [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: https://vk.com/yabloko_ru (дата обращения 15.01.2021).

³ Партия ЯБЛОКО [Электронный ресурс] // Twitter. URL: <https://twitter.com/yabloko> (дата обращения 15.01.2021).

⁴ ЛДПР [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/ldpr> (дата обращения 15.01.2021).

⁵ Филипенко А. Хабаровского губернатора задержали по подозрению в организации убийств // РБК. 2020. 9 июля. URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/07/2020/5f064fe69a79472a69ad83cb> (дата обращения 15.01.2021).

⁶ Алексей Навальный [Электронный ресурс] // Instagram. URL: <https://www.instagram.com/navalny/> (дата обращения 15.01.2021).

⁷ Команда Навального [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/teamnavalny> (дата обращения 15.01.2021).

ного» обычно направляется на «разоблачение» конкретных политических деятелей и не имеет под собой конкретной целостной программы, предусматривающей какие-либо изменения институционального дизайна существующей в стране политической системы.

Интересный кейс представляет собой деятельность сетевого движения «Открытая Россия», более известного под сокращенным названием «Открытка». В марте 2019 г. было официально объявлено о его ликвидации, однако на следующий день была учреждена новая общественная организация под тем же названием, которая тем не менее не является правопреемницей данного движения⁸. В настоящее время она действует в форме общественного объединения без регистрации, созданного в соответствии с Федеральным законом «Об общественных объединениях»⁹. Для коммуникации со своими сторонниками через онлайн-платформы «Открытая Россия» использует в настоящее время так называемые теневые инструменты: страницы, имеющие неполное или отличающееся от официального наименования организации название, свободный доступ к которым закрыт, а также фейковые или дублирующие страницы. Летом 2020 г. организация была причастна к развертыванию сетевой кампании, призывавшей граждан голосовать против внесения поправок в Конституцию Российской Федерации¹⁰. На данный момент «Открытая Россия» распространяет информацию через сотрудничающие с ней интернет-ресурсы: страницы «Открытка» на платформах «ВКонтакте»¹¹ и «Twitter»¹², а также «Avtozak Live» в «Twitter»¹³ и «МБХ медиа»¹⁴.

Онлайн-платформы могут использоваться для координации деятельности не только уже устоявшихся общественно-политических объединений, но и новых, спонтанно возникающих движений, действия которых могут разворачиваться как в виртуальном, так и в реальном пространстве. В частности, мобилизационный потенциал социальных сетей был задействован в ходе организации реальных протестных акций, ставших ответом на факты фальсификации результатов выборов депутатов Государственной думы в 2011 г. и выражением недовольства итогами президентских выборов в 2012 г.¹⁵ Примером развития виртуального протестного движения стихийного характера явилось создание активистами Архангельской области в апреле 2019 г. сетевого сообщества «Мы против свалки в Ленском районе» на платформе «ВКонтакте», поставившего своей целью «информирование широкой общественности о происходящих событиях вокруг борьбы против строительства мусорного полигона для московских ТКО на станции Шиес»¹⁶. По состоянию на 15 января 2021 г. на данный сетевой ресурс были подписаны 12 628 человек, проживающих в разных регионах страны и за ее пределами.

Распространению оппозиционных настроений в социальных сетях способствуют и некоторые онлайн-издания. Например, публичная страница «Свободные новости» в сети «ВКонтакте»¹⁷ позиционирует себя в качестве типичного информационного канала. Однако в действительности она представляет собой ресурс сетевого сообщества, которое под девизом «Сила в правде» транслирует преимущественно оппозиционный контент. В 2012–2014 гг. аудито-

⁸ «Открытая Россия» Ходорковского самоликвидировалась. Почему? [Электронный ресурс] // BBC NEWS: Русская служба. 2019. 31 марта. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-47765653> (дата обращения 15.01.2021).

⁹ Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 30.12.2020) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/ (дата обращения 15.01.2021).

¹⁰ «Открытая Россия» будет призывать голосовать против поправок в Конституцию [Электронный ресурс] // ЗакС.РУ: Политическая жизнь Северо-Запада. 2020. 9 июня. URL: <https://www.zaks.ru/new/archive/view/201514> (дата обращения 15.01.2021).

¹¹ Открытка. Открытая Россия: за демократизацию, против обнуления и поправок [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/openrussia.team> (дата обращения 15.01.2021).

¹² Открытка [Электронный ресурс] // Twitter. – URL: https://twitter.com/openrussia_team (дата обращения 15.01.2021).

¹³ Avtozak LIVE [Электронный ресурс] // Twitter. URL: <https://twitter.com/avtozaklive> (дата обращения 15.01.2021).

¹⁴ МБХ медиа: Новости нашей страны [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/mbkhmedia> (дата обращения 15.01.2021).

¹⁵ Багдасарьян Н.Г., Титов Р.В. Протестный потенциал социальных сетей: возможности и риски // Гуманитарный вестник. 2014. № 4. С. 1–9.

¹⁶ Мы против свалки в Ленском районе [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/stopshies> (дата обращения 15.01.2021).

¹⁷ Свободные новости [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/theliberalnews> (дата обращения 15.01.2021).

рия данного ресурса увеличилась со 151 до 180 тыс. подписчиков, большинство из которых являлись жителями Москвы и Санкт-Петербурга¹⁸. К середине января 2021 г. на «Свободные новости» были подписаны 301 925 читателей. Приведенные данные дают основания говорить об определенном росте интереса сетевой аудитории к оппозиционным общественно-политическим движениям, однако не позволяют оценить его с какой-либо убедительной степенью точности, поскольку один и тот же пользователь Интернета может быть подписчиком сразу нескольких подобных ресурсов и при этом перемещаться между различными сетевыми сообществами, свободно вступая в некоторые из них и так же свободно покидая другие.

Реализация подобных кейсов стала возможной вследствие расширения инструментальных возможностей социальных сетей, используемых в качестве коммуникационных площадок, где в качестве классических инструментов взаимодействия с индивидуальными пользователями выступают различные видеоматериалы в формате от лаконичных и красочных роликов до полноценных репортажей и интервью, подборки фотографий, статьи и отчеты, информирующие о прошедших мероприятиях и митингах. Активное ведение страницы в социальной сети предполагает также распространение агитационных материалов, особенно плакатов и открыток, а также комментариев политических событий понятным для рядового пользователя языком. Особенность такого приема заключается в том, что одно и то же событие может трактоваться с различных точек зрения в зависимости от целей, преследуемых коммуникаторами.

Онлайн-платформы создают формат многосторонней коммуникации, позволяющей ее участникам не только выступать в качестве получателей сообщений, воспринимающих транслируемые идеи, но и публично выражать свою реакцию на них, высказывать собственную точку зрения. Подобный механизм предусмотрен возможностью оставлять комментарии под постами, копировать контент из личного блога, участвовать в проводимых публичных опросах. Используя такой инструментарий «заинтересованного взаимодействия», протестные акторы погружают участников сетевых сообществ в дискуссии, в ходе которых осуществляется воспроизводство определенной ценностной картины мира и на ее основе происходит рекрутирование сторонников.

В последнее время в онлайн-коммуникации все более активно используется новый механизм воздействия на индивидуальных пользователей – сетевой мем, представляющий собой комплексную семантическую единицу, чаще всего выраженную в виде фотоматериала или иного изображения, которое несет в себе законченную мысль и сопровождается ироничным подтекстом. В определенной степени мем можно сравнить с карикатурой на политические и иные социально значимые события. Данная единица имеет мощный потенциал коммуникационного воздействия в силу своей лаконичности, запоминающейся формы, юмористического подтекста и вирусности, так как подобные сообщения не только транслиру-

¹⁸ Ушкин С.Г. Протестные сообщества в социальных сетях: три года наблюдений // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 6. С. 112–118.

ются на определенных страницах, но и в больших количествах пересылаются между пользователями сети. Государственные структуры пока не оценили возможности применения мемов в своих коммуникационных кампаниях, в то время как представители оппозиционных течений и групп широко используют их для привлечения внимания аудитории к определенной теме.

Следует также подчеркнуть, что рамках своей сетевой активности оппозиция нередко прибегает к использованию приемов «пост-правды». Данный термин, признанный в 2016 г. издательством Оксфордского университета «словом года», соотносится с различными коммуникативными ситуациями, в которых «объективные факты менее существенны при формировании общественного мнения, по сравнению с обращением к эмоциям и личным убеждениям»¹⁹. Специфика социальных сетей позволяет создавать виртуальный образ действительности, искажающий или игнорирующий определенные факты в соответствии с создаваемой коммуникатором ценностной картиной мира и при этом апеллирующий к чувствам аудитории. Применение подобных приемов способствует концентрации внимания адресатов распространяемых сообщений на конкретных элементах искусственно конструируемой политической «повестки дня» и дальнейшему их восприятию с так называемого другого ракурса, необходимого коммуникатору.

Представленный анализ практического использования инструментальных возможностей социальных сетей дает основания полагать, что существующие онлайн-платформы позволяют представителям как системной, так и несистемной оппозиции реализовывать стратегию информационного взаимодействия с массовой аудиторией, ориентированную на расширение круга своих сторонников. Вместе с тем, на наш взгляд, ее практическое применение приводит к образованию и воспроизводству в коммуникационном пространстве так называемых эхо-камер – формально открытых, но, по своей сути, достаточно замкнутых сетевых сообществ, в рамках которых определенные убеждения и установки подкрепляются и усиливаются путем передачи и повторения сообщений определенного содержания только среди некоторого круга единомышленников, ориентирующихся на деятельность конкретных политиков или на решение какой-либо конкретной проблемы. Участники таких сообществ стремятся оградить себя от воздействия внешних источников, распространяющих как альтернативную, так и аналогичную, но «конкурирующую» информацию, дискутируют преимущественно друг с другом и соглашаются сами с собой. Очевидно, что указанное обстоятельство скорее способствует не консолидации неоднородных оппозиционных сил, а, напротив, сохранению их существующего разобщения.

¹⁹ Flood A. "Post-truth" Named Word of the Year by Oxford Dictionaries [Электронный ресурс] // The Guardian. 2016. November 15. URL: <https://www.theguardian.com/books/2016/nov/15/post-truth-named-word-of-the-year-by-oxford-dictionaries> (дата обращения 15.01.2021).

С.Д. Тайрер

Национальный брендинг как элемент конструирования позитивного имиджа государства

Статья посвящена анализу места и роли национального бренда в процессе конструирования позитивного имиджа страны, используемого в процессе ее позиционирования в международном сообществе. Национальный брендинг выступает в качестве элемента «маркетинга мест», под которым понимается целенаправленная деятельность органов власти и других заинтересованных сторон по созданию, изменению или поддержанию образа определенной территории в целях повышения степени ее узнаваемости и привлекательности в инвестиционном, туристическом, и миграционном плане. Национальный брендинг способствует укреплению позитивного имиджа государства путем формирования и продвижения общей для всех его граждан системы ценностей, в соответствии с которой на той или иной территории осуществляется экономическая, политическая, культурная и социальная деятельность. По мнению автора, национальный бренд, как и позитивный имидж страны в целом, представляется возможным построить только на основании объективно существующих предпосылок, выгодно выделяющих ее среди других на мировой арене. При этом речь может идти не только об уникальных природных ресурсах, но и об уровне жизни, туристической привлекательности, инвестиционном потенциале и т. д. Эффективным инструментом в процессе конструирования национального бренда выступает проведение масштабных мероприятий: традиционных фестивалей, международных спортивных соревнований, экономических и научных форумов, развитие образовательной сферы. Ключевая роль в продвижении национального бренда принадлежит планомерной работе органов государственной власти и других заинтересованных сторон со средствами массовой информации, направленной на репрезентацию страны в мировом коммуникационном пространстве. По мнению автора, Россия имеет значительный потенциал для совершенствования своего имиджа, реализация которого будет способствовать усилению ее позиций в условиях конкуренции между государствами, развернувшейся в глобальной информационно-коммуникативной среде.

Ключевые слова: национальный брендинг, имидж государства, маркетинг мест, политическая коммуникация, бренд, мягкая сила

Существующая политическая реальность тесно связана с развитием коммуникационных технологий. Человечество вступило в эпоху глобализации информационного пространства, в котором все более отчетливо проявляются конкуренция и противостояние между политическими акторами, в том числе и между государствами. Используя различные каналы и средства коммуникации, они создают контент и проецируют сообщения с целью

сформировать необходимые представления о себе у массовой аудитории, которые будут восприниматься ею в качестве правдивых и достоверных. Контроль над информационными потоками позволяет управлять общественным мнением, привлекать внимание к тому или иному объекту и формировать соответствующее отношение к нему. Такие коммуникационные стратегии, ранее нашедшие свое широкое применение в экономике, в последние годы распространяются и на область политики, включая сферу международных отношений.

В эпоху глобализации многие страны стремятся сохранить свои культурно-исторические особенности и традиции, отстаивать собственную идентичность под натиском более крупных держав, которые, располагая значительными ресурсами, получили возможность не только продвигать, но и навязывать другим свое видение мира. Возникла потребность в конструировании определенного образа государства на мировой арене, который бы мог выгодно выделить данную страну среди всех остальных. Правительства стали прибегать к использованию «мягкой силы», которая, в частности, предполагает формирование привлекательного имиджа государства и дальнейшее его продвижение в мировом политико-коммуникационном пространстве.

Само понятие имиджа крайне многогранно. Существуют множество подходов к определению и объяснению данного термина. Большинство ученых прежде всего отмечают, что это явление связано с попыткой формирования определенного восприятия какого-либо объекта у того или иного сообщества. В данной работе имидж будет пониматься как специально сконструированный образ, целью которого является воздействие на восприятие индивидами соответствующего объекта: отдельного события или личности, группы лиц, города, региона или целого государства. Имидж страны строится на основании множества факторов, в том числе на ее геополитических, исторических, социально-экономических и политических свойствах¹. Таким образом, элементы имиджа базируются на фактических характеристиках представляемого объекта.

Одной из составных частей построения позитивного имиджа государства выступает конструирование национального бренда. Данный термин ввел в употребление британский ученый С. Анхольт². Несмотря на то что это понятие является относительно молодым и недостаточно разработанным в политической науке, национальный брендинг как явление имеет довольно солидную историю. Он является элементом «маркетинга мест», под которым понимается целенаправленная деятельность органов власти или заинтересованных групп по созданию, изменению или поддержанию образа определенной территории для того, чтобы повысить узнаваемость и привлекательность региона, страны. Все эти мероприятия проводятся с целью конструирования определенного отношения у реципиента к конкретному объекту. Создание удачного национального бренда существенно повышает конкурентоспособность предоставляемых страной товаров и услуг, увеличивает ее

¹ Галумов Э.А. Международный имидж России: стратегия формирования. М.: Известия, 2003. С. 202.

² Anholt S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. Basingstroke; New York: Palgrave Macmillan, 2007.

привлекательность в туристическом, инвестиционном и миграционном плане. Это повышает имидж государства как во внутренней, так и во внешней политике. При этом важно помнить, что в западных исследованиях термин «нация» имеет конструктивистский характер, то есть в качестве основного нациеобразующего фактора выступает не этническая принадлежность, а государственность как таковая. Один из приверженцев конструктивистского подхода Э. Геллнер определял нацию как группу людей, члены которой признают определенные общие права и обязанности по отношению друг к другу³. Понимание данной особенности использования термина «нация» помогает более четко определить специфику национального бренда. Это говорит о необходимости поиска тех самых общих прав, обязанностей и ценностей для граждан данного государства, которые могли бы стать для них универсальными. Далее, уже основываясь на имеющемся обобщающем материале, будет строиться целостная картина для конструирования и продвижения бренда.

Бренд в таком понимании позволяет выделить конкретный объект, придать ему особую значимость в сознании потенциальных потребителей. Это не что иное, как устойчивая эмоциональная связь между потребителем и объектом, она предполагает формирование у реципиента определенных представлений о продукте посредством знакомства с брендом⁴. Любой бренд включает в себя набор определенных элементов: сущности, атрибутов и ценностей. К сущности бренда относится его эмоциональная суть и нагрузка, которую он несет. Это своего рода концептуальная основа, выраженная в нескольких словах. К атрибутам бренда относятся любые способы его выражения в коммуникативной среде: логотип, название, слоган, дизайн, *tone of voice* и т. д.⁵ Ценности бренда схожи с его сущностью: это исключительные позитивные характеристики объекта, которые выделяют его в конкурентном коммуникационном пространстве. Все эти составляющие присущи не только коммерческому, но и национальному брендингу. Правильное понимание составляющих бренда позволяет грамотно проводить кампанию по его конструированию. Еще одной не менее важной особенностью брендинга является необходимость постоянно поддерживать и продвигать объект, так как в случае, когда работа по его конструированию прекращается, бренд пропадает из поля зрения реципиента и перестает для него существовать. Следовательно, к данному вопросу необходимо подходить не с единичными, разовыми решениями, а с комплексными мерами, ориентированными на долгосрочную перспективу.

Национальный брендинг способствует укреплению позитивного имиджа страны путем формирования и продвижения для всей нации, понимаемой в конструктивистском плане, общей системы ценностей, в соответствии с которой на той или иной территории осуществляется экономическая, политическая, культурная и социальная деятельность. Результат данной деятельности может служить своего рода товаром на международной арене. По словам С. Анхольта, национальный брендинг становится капиталом стра-

³ Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. С. 35.

⁴ Васильева О.А. Концептуальные основы национального брендинга // Евразийский Союз Ученых. 2014. № 7–5. С. 46.

⁵ Что такое атрибуты бренда? [Электронный ресурс] // Студия брендинга DEZA. 2019. 11 ноября. URL: <https://dezza.ru/blog/chto-takoe-atributy-brenda/> (дата обращения 20.09.2020).

ны, но для его правильной реализации необходим полноценный стратегический подход. Его тщательная проработка приводит:

- к росту экспорта;
- укреплению сотрудничества с зарубежными и внутренними инвесторами;
- консолидации разных слоев населения внутри страны вокруг общих национальных интересов, усилению патриотизма;
- увеличению объема въездного туризма;
- укреплению национальной валюты;
- распространению культуры нации за пределы государства⁶.

При качественном росте всех этих показателей увеличивается прибыльность территории, растет интерес к государству во всех сферах, что, в свою очередь, поднимает престиж страны на мировой арене, ее способность оказывать влияние на других акторов международных отношений.

При строительстве национального брендинга необходимо опираться на объективно существующую реальность. Правительство должно показать, чем именно данное государство выгодно выделяется среди других на мировой арене. Речь может идти не только о каких-то уникальных природных ресурсах, но и об уровне жизни, туристической привлекательности, инвестиционном капитале и т. д. Исходя из того, насколько высоки те или иные показатели, будет зависеть рентабельность бренда государства в целом. Так С. Анхольт при оценке успешности бренда страны использует следующие шесть оснований:

- люди: сюда входит мнение об образованности, открытости, гостеприимстве, дружелюбии и рабочей квалификации населения;
- власть: критерий отвечает за легитимность и законность власти, ее компетентность, сюда же входят показатели доверия индивида к правительству;
- экспорт: мнение о качестве услуг и товаров из какой-то конкретной страны;
- туризм: это спрос на посещение страны, уровень заинтересованности в имеющихся достопримечательностях;
- культура и наследие: оценка имеющейся у страны культурной составляющей, вклад государства в мировую культуру;
- инвестиции и иммиграция: привлекательность для инвесторов и для переезда в страну⁷.

Органам власти необходимо не только планомерно развивать все эти сферы с учетом национальной специфики, но и уметь перекрывать слабые стороны имеющимися преимуществами. Важно, однако, учитывать, что национальный бренд, как и весь позитивный имидж страны, возможно построить только на объективно существующих предпосылках. Кроме того, данный процесс требует много времени и скоординированных действий многих акторов. Само по себе государство не может единолично реализовывать конструирование и поддержание бренда. Необходимо подключать к решению этой задачи представителей бизнеса, общественные объединения и, конечно же, СМИ. При этом крайне важно пра-

⁶ Анхольт С. Создание бренда страны // Бренд-менеджмент. 2007. № 1. С. 51.

⁷ Anholt S. Op. cit. P. 15.

вильно определить единый вектор развития имиджа страны, установить круг лиц, ответственных за данный процесс, и создать систему, которая будем эффективно координировать действие всего этого механизма⁸.

Хорошим инструментом в поднятии национального бренда служит проведение масштабных мероприятий. С этой точки зрения такие традиционные ежегодные фестивали, как карнавал в Рио-де-Жанейро, Венецианский карнавал, Октоберфест и т. д., могут служить примерами своеобразных визитных карточек соответствующих стран в культурно-развлекательном плане. Эти события привлекают в страну множество туристов, которые не только захотят увидеть своими глазами давнюю традицию, но и приобрести на память какой-либо товар. Сюда же можно отнести и проведение международных спортивных соревнований, зачастую позволяющих разрушить многие устоявшиеся стереотипы о принимающей стороне. Качественное проведение экономических и научных форумов способно привлечь потоки заинтересованных инвесторов, которые, видя потенциал развития той или иной отрасли, будут готовы вложиться в ее рост. Наличие строгих критериев в национальной системе качества позволит гарантировать надежность экспортируемых товаров, что, в свою очередь, вызовет большой спрос на них за рубежом. Сильная научная сфера, в том числе и наличие вузов, входящих в международные рейтинги, делает страну привлекательной для зарубежных студентов. Ярким примером этого выступает современная Германия, где высшее образование считается не только одним из самых качественных, но и существует возможность получить его бесплатно. При этом для большей популяризации немецкого образования власти страны всячески стараются формировать благоприятные условия для развития неправительственных фондов и научных центров⁹.

Одним из примеров продвижения национальной культуры, а вместе с тем и национального бренда можно назвать создание специальных культурно-языковых институтов: немецкий институт Гёте, китайский институт Конфуция, испанский институт Сервантеса, российский Институт Пушкина. Все эти учреждения осуществляют образовательную деятельность на территории других стран. Они создаются на государственной основе, и их главной задачей является привлечение внимания к культуре страны и ее языку.

В плане продвижения национального бренда ключевая роль принадлежит работе со средствами массовой информации, направленной на репрезентацию государства в мировом коммуникационном пространстве. В качестве примера здесь могут выступать национальные каналы, транслируемые за рубежом, которые ставят своей целью формирование позитивного имиджа страны на бытовом уровне, распространение культуры, привлечение туристов. На решение таких задач ориентируются, в частности, южнокорейский канал Arirang TV, китайский CGTN-Русский, российский Russia Today¹⁰. В структуру национального бренда также входит имидж президента, главы правительства, руководителя внешнеполитиче-

⁸ Садченков М.Д. Национальный бренд «Сделано в России» – «мягкая сила» в экономическом развитии государства [Электронный ресурс] // Сделано в России (Made in Russia). 2018. 24 мая. URL: <https://madeinrussia.ru/ru/news/1387> (дата обращения 21.01.2021).

⁹ Полякова В.В. Национальный брендинг как новый тренд внешней политики современных государств // Научные исследования в сфере общественных наук: инновации и опыт: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2016. С. 35.

¹⁰ Желязко А. Зарубежные этнические каналы в России [Электронный ресурс] // Кабельщик. 2019. 19 марта. URL: <https://www.cableman.ru/article/zarubezhnye-etnicheskie-kanaly-v-rossii> (дата обращения 21.01.2021).

ского ведомства, работников дипломатической службы и других официальных лиц, представляющих государство на международной арене.

Таким образом, открывается множество способов повышения рентабельности национального бренда, что немаловажно для усиления позиций государства в мировом сообществе. В настоящее время в условиях глобализации и высокой конкуренции каждая страна стремится получить для себя как можно больше преимуществ. Для Российской Федерации это особенно важно в условиях давления на нее со стороны государств западного мира. На наш взгляд, органам государственной власти необходимо проводить комплексную политику, направленную на дальнейшее продвижение уже существующего бренда «Сделано в России», поскольку, по данным на 2019 г., наша страна занимала 14-е место в рейтинге национальных брендов¹¹, что является достаточно высоким показателем. При этом Россия имеет значительный потенциал для совершенствования своего имиджа, использовать который представляется крайне необходимым в условиях обострения конкуренции между государствами, развернувшейся в глобальной информационно-коммуникативной среде.

¹¹ Рейтинг национальных брендов. 2019 [Электронный ресурс] // Ranking.kz. 2019. 6 ноября. URL: <http://www.ranking.kz/ru/a/reviews/rejting-nacionalnyh-brendov-2019> (дата обращения 21.01.2021).

Abstracts

Alina I. Toropova

The concept of “Illiberal democracy”
and the potential of its practical implementation

Modern realities allow making sure that the “third wave of democratization” did not bring expected results, and the thesis stated by Francis Fukuyama in “The End of History” does not correlate with reality. Currently, many states previously embraced by the third wave of democratization are facing a crisis of democracy and, therefore, are transformed into various “defective” and “hybrid” regimes or use democracy and its inherent institutions as a tool to legitimize power based on populism and the costs of conservatism and authoritarianism. This article examines the concept of “illiberal democracy”, identifies the main characteristic features associated with the corresponding political regime. In order to demonstrate the implementation and functioning of such a “defective” democracy in political practice, the cases of Hungary and Poland are examined. In addition, the work reveals the potential for realization the described concept into practice, and also analyzes the possible reasons due to which the democratizing post-communist states have not yet managed to establish liberal democracy. The potential for the establishment of an illiberal democracy is determined based on the prevailing political culture (according to G. Almond) in the state; the dominant model of the economy; the state of democratic institutions.

Keywords: democracy, constitutional liberalism, illiberal democracy, the third wave of democratization, political culture, separation of powers

Mikhail A. Sopot

Pierre Rosanvallon’s concept of counter-democracy
and practical examples of its implementation

In this article the author studies the concept of counter-democracy, which was invented by the French researcher Pierre Rosanvallon. To begin with, the article provides theoretical basics of this concept – the basic definition of counter-democracy alongside its constituents, mentioned by Pierre Rosanvallon himself – vigilance, prevention and turning the population into a judge. The article provides a very detailed description of each of those constituents and of conditions, necessary for their full-

scale and efficient functioning, alongside with possible obstacles, which prevent their full-scale functioning (by using the examples of legislation in certain countries). After that, a mechanism of counter-democracy's functioning is described. As the article continues, the author begins to research some practical examples, with each of examples containing the elements of "case study" – a method of situational analysis. "Yellow vests" movement, which appeared in France in 2018 is used as a first example, containing the analysis, which allows the events in France to be tied to with Rosanvallon's theoretical model. The case of Germany is used as a second example, describing the right-wing movements and organisations. Just like in the first case, the ongoing processes in a researched country are described, and explanation why it is a good decision to relate them to counter-democracy is provided. Some statistical data is also provided. In the final section of the article the author comes to a conclusion that counter-democracy can be characterised not only as a theoretical model, but also as a practical one. Moreover, the French example shows that counter-democracy can become an effective tool of feedback between the authorities and the civic society, dealing with troublesome situations in favour of the citizens. The list of sources and literature, used to write this article of present at the end.

Keywords: Germany, France, counter-democracy, democracy, civic society

Aleksandr A. Belyanin

The place and role of the Asia-Pacific Region in the geopolitical picture of the world

The article is devoted to the analysis of the evolution of ideas about the position of the Asia-Pacific region in the geopolitical structure of the world. In the works of British and American authors covering the period from the end of the 19th to the middle of the 20th century, this region was assigned, in fact, the role of a certain auxiliary space, due to the ideas of the need for actions primarily aimed at containing the growing spatial, political, economic and military influence of the largest continental power (Russia, and later – the USSR) on the periphery of the Eurasian continent. In the concept of the German geopolitician Haushofer, providing for the creation of the geo-strategic Alliance that would unite the continental powers based on the ideas of face common enemy in the face of forces "sea civilization", the APR assumes special geostrategic importance as a space of contact between the interests of Russia and Japan, but not acting as an independent geopolitical entity. The polycentric models of the world order, which replaced the classical geopolitical concepts, began to show a tendency to isolate and strengthen the role in world politics of individual large regions that are quite homogeneous in economic terms and at the same time have similar cultural traditions. At the same time, the Asia-Pacific region was indicated as one of the spaces that largely met the specified criteria.

At the turn of the 20th and 21st centuries. The states of the region not only demonstrated high rates of economic and technological development, but also, taking into account the creation of such integration associations as APEC, ASEAN and SCO, which significantly change the format of the world political discourse, clearly marked the trend of turning the Asia-Pacific Region into a new center of geopolitical power.

Keywords: Asia-Pacific region, geopolitics, geostrategy, polycentric model of the world

Matvei A. Kanifatov

Features and perspectives of the new electoral technologies used in Russian Federation elections from 2019 to 2020

The article is devoted to the analysis of recently introduced electoral procedures and technologies such as online voting and ‘multi-day’ voting, which were applied as an experiment in Russian electoral process during the election to the 7th convocation of the Moscow City Duma in 2019, voting for Constitution amendments in 2020 and annual Regional elections in 2020. The goal of this research is to examine the background of these innovations and consider its effects on Russian electoral processes. The study shows how these technologies and procedures have proven themselves as a reliable set of methods for using administrative resources and getting the outcome the government wants. Based on the analysis it is concluded that the Russian authorities will be using online voting and ‘multi-day’ voting in the foreseeable future because of its efficiency.

Keywords: electoral procedures, electoral technologies, electoral process, elections, online voting, multi-day voting, Moscow City Duma, Constitution amendments, Regional elections

Il'ya V. Bondarev

The impact of “Black Lives Matter” Protests on the 2020 US Presidential Race

The paper analyzes the impact of the 2020 Black Lives Matter (BLM) protests in the United States on the 2020 US Presidential election campaign. Much attention is given to the analysis of changes in the electoral rating of candidates before and during the BLM protests, changes in the level support by the US citizens of the Black Lives Matter movement, as well as the analysis of the pre-election rhetoric of both US presidential candidates: Donald Trump and Joe Biden regarding the protests and the Black Lives Matter movement. Analyzing the change in electoral support for both candidates, the author relies on the results of several reputable public opinion monitoring organizations: IPSOS / Reuters, Real Clear Politics, FiveThirtyEight. The study of US citizens’

support for the Black Lives Matter movement is based on the monitoring of social surveys conducted by 3 recognised centers: Civiqs, the Gallup Institute and the Pew Research Center. When studying the rhetoric of Joe Biden and Donald Trump, the author conducts the analysis from the standpoint of the attitude of the 2 main candidates for the presidency of the United States both to the Black Lives Matter movement and to the protests held under the slogans of this organization. The article also draws attention to the previous wave of protests in the United States, which coincided, as in 2020, with the 2016 presidential campaign. Political involvement in the analysis of rhetoric, their statements on social networks, monitoring the electoral rating of candidates and studying changes in attitudes towards the Black Lives Matter movement from the perspective of the average American voter also expands the source base of the study.

Keywords: “Black Lives Matter”, protests, US election, US Presidential race, Joe Biden, Donald Trump

Anastasiya V. Busygina

Exploring democratic transit in Brazil
in the context of the causality funnel concept

In this article, the author attempts to study the democratic transit of Brazil in the 1970s and 1980s using the methodology of the funnel of causality. This methodology, which assumes a gradual transition from macro-to micro-factors, was created to study electoral behavior. The classic “version of the” funnel of causality “was created by E. Campbell and his colleagues in the monograph” “The American Voter”, which was published in 1960. However, this logic of gradual transition from one level to another allows us to study almost any political phenomena related not only to electoral activity, but also to transitology in the most comprehensive way. The transit of power is a multi-faceted phenomenon that can be studied in different aspects. In this regard, there are different theories created to study such a complex process. According to the author, the synthesized theories are the most suitable for studying system transformations; the methodology of the causality funnel chosen for this work belongs to these theories. Although this model of the study of transit has a great explanatory potential, it undoubtedly has drawbacks, one of which is the spatial and temporal heterogeneity. The results of this study show that the use of the “causality funnel” methodology can provide a comprehensive analysis of the factors that influenced the democratic transit in Brazil. In the future, this topic can also be studied from the point of view of the consolidation of democracy in Brazil: for this purpose, it will be possible to use the same methodology, but in the opposite order – from the micro to the macro level.

Keywords: Brazil, transit of power, democracy, funnel of causality, transitology

Alina V. Manokhina

Institutionalization of lobbying activities
in Russian Federation

Institutionalization of lobbying in Russian Federation: despite the presence of lobbying as such in Russia, it is not legally enshrined and is not an official profession. Attempts to consolidate this activity in legislative acts did not end successfully. Initiatives were withdrawn either by authors themselves, or they were not fully spelled out and could not fully regulate the activities of lobbyists. A key feature of the proposed projects is the copying of the American lobbying law and the establishment of the same registration and control standards. The purpose of this article is to establish the current stage of development of lobbying in Russia. In order to do this, an analysis of the factors that influence the degree of institutionalization of the activity itself, which are proposed by A. Suchkova. During the analysis of the proposed factors, it was found that there is a tendency for deputies to lobby the interests of certain companies, lack of historical experience for full implementation, non-publicity of people with high "lobbying" potential and lack of understanding of lobbying activities among the population. Also, on the basis of findings of the current stage of development of the institutionalization of lobbying activities were identified: prevailing informal ties, increased corruption risks, the presence of the profession itself, as well as the lack of coverage of the problem at the federal level for the broad masses. Recommendations were made based on these characteristics, which include raising the level of public awareness, overcoming the conflict of elites between the use of legal or shadow forms of communication with society, and also creation of full-fledged lobbying legislation.

Keywords: lobbying, the institution of lobbyism, lobbyists, advocating for interests, interaction between society and the state

Makarii A. Nikolskii

Prospects for the development
of European defense policy

Security of multi-component political actors, including the European Union (EU), depends on the degree of integration and coordination of the resources of their member states. However, in Europe the necessary integration process is faced constant opposition from the national states, which defend their own subjectivity and seek to limit the development of the pan-European union only to those areas that affect the subjectivity to the least extent. The Maastricht Treaty institutionalized the Common Security and Defense Policy (CFSP) at the intergovernmental level, laying down mechanisms for "common positions" and "joint action", to which were later added "common strategies" through the Treaty of Amsterdam. In general, the development of security in the EU was conditioned by the clashes of two positions on this issue: the first

provided for the security of Europe mainly by NATO forces, where the United States obviously plays a key role, the second emphasized the need to build autonomous European institutions in addition to the existing ones. After Brexit, the second trend prevailed, but the necessary integration processes did not receive their further development due to significant differences in the foreign policy interests of the key players in continental Europe – France and Germany. The project of Permanent Structured Cooperation (PESCO), which has been formed in recent years, is more aligned with the priorities of Germany, which emphasizes the need for special development of the integration of the EU member states. The strategic concept of the European Intervention Initiative (EII) put forward by France, on the contrary, assumes that all states of Europe, including Great Britain, which has left the EU, can become its participants.

Keywords: European Union, European security system, Brexit, PESCO, European Intervention Initiative

Anastasiya V. Shapovalova

The usage of PR-technologies
in a communications strategy
around unpopular political solutions

The article is devoted to the analysis of application of PR-technologies, utilized in communications strategy around the process of taking so called unpopular political solutions. These solutions can be caused by citizens' basic needs meeting reduction or they may lead to the consequences, contradicting with the established social values or even denote a drastic change in the habitual lifestyle. In some cases, such like solutions become unpopular because of an inaccurate implementation on site or a deficient awareness of society. Every political decision needs legitimization which includes both legal bearings of the case and social part, connected with the provision of its public recognition and support. So, it involves the necessity of the target audience's potential reaction forecasting on the stage of creating a potentially unpopular solution and the probability of its correction with the interests and demands of society taken into account, in order to elude the escalation of a negative tension. However, if the required measures were not taken on the stage of preparation, then during the stage of realization PR-specialists will use society's widespread informing methods and mass' consciousness manipulation. One of the possible ways of such like affecting is a distraction of public's attention from real problems to less important or even artificial ones. Moreover, there is the reason to believe, that long and wide problems' media coverage, connected with the upsurge of violence, terror attacks and other threats to public security can cause solutions restricting civil liberties.

Keywords: decision making, unpopular solution, political communication, PR, manipulation, post-truth

Anastasiya P. Dranitsyna

The rhetoric of persuasion and non-verbal techniques
of self-presentation in modern political
and communication processes

The article is devoted to the role of persuasive rhetoric and methods of non-verbal communication in the process of interaction between politicians and a mass audience. The author believes that success in the sphere of public policy is impossible without the use of correctly selected and worked out rhetorical techniques, supplemented by elements of non-verbal self-presentation, which is determined by the appearance, manners and gestures of the communicator. With the development of mass media, public speeches of politicians are getting more and more performative. It is accompanied by the convergence of political language with spontaneous speech due to intonation highlighting of particular words and phrases, and the use of emotionally expressive and colloquial vocabulary. According to the author, the special role in this context belongs to the ability of politicians to use bright and figurative metaphorical phrases in their public speeches. At the same time, the degree of effectiveness of the influence of communicators on the audience is determined not only by the peculiarities of their appeal to these linguistic means, but also by the ratio of the “literal” meanings of the metaphors used with the political context in which the corresponding speech technique is used. The author analyzes the examples of successful use by politicians of a combination of persuasion rhetoric and the elements of non-verbal self-presentation in the course of televised debates. According to the author, it is advisable to supplement the “Lasswell formula” used to describe the main components of political and communication processes by including an element that would reflect the form of spread messages as a way of presenting their content. This element should take into account the corresponding speech and non-verbal characteristics, which largely predetermine the effectiveness of the communicator’s persuasive influence on his real and potential supporters.

Keywords: political communication, political language, conviction, rhetoric, metaphor, debate, Lasswell’s formula

Tatyana V. Tkachenko

Online activities of the Russian opposition
in social networks

The article examines the phenomenon of immersion of the activities among opposition political actors in an online environment. Opposition representatives increasingly use the communicative potential of social networks, which are convenient platforms for the dissemination of political content, and also they allow reaching a mass audience. The main tool is the public pages created in the networks,

it permits political actors to carry out personal communication with citizens. It is noted a certain increased interest in oppositional social and political movements within Internet users. The author, nevertheless, believes that the available statistical data do not allow to quantify this phenomenon with a convincing degree of accuracy. As far as one and the same user can be a subscriber of several information resources at once. Citizens can, at the same time, move between different network communities, freely joining some of them and just as easily leaving others. According to the author, existing online platforms make it possible for representatives of both systemic and non-systemic opposition to implement a strategy of information interaction with a mass audience, focused on expanding the circle of their supporters. The practical application of this strategy concurrently contributes to the formation and reproduction in the communication space of “echo chambers”, which are rather closed network communities, concentrated on the acts of specific politicians or on the solution of any specific problem. Members of such communities seek to protect themselves from the influence of external sources that distribute both alternative and similar, but “competing” information. The author believes that these circumstances rather contribute not to the consolidation of heterogeneous opposition forces, but, on the contrary, to the preservation of their existing disunity.

Keywords: political communication, opposition, public policy, social networks, Internet

Svetlana D. Tairer

National branding as an element of constructing a positive image of the state

The article is devoted to the analysis of the place and role of the national brand in the process of constructing a positive image of the country, used in the process of its stationing in the international community. National branding is an element of “place marketing”, which is defined as the purposeful efforts of the authorities and other stakeholders to build, change or maintain the image of a certain territory in order to increase its recognition and attractiveness in terms of investment, tourism and migration. National branding helps to enhance the positive image of the state by forming and promoting a system of common values for all citizens, in accordance with which economic, political, cultural and social activities are held on a particular territory. According to the author, the national brand, as well as the positive image of the country in general, is possible to build only on the basis of objectively existing preconditions, advantageously marking it out among others in the global stage. In this context, it is not only about unique natural resources, but also about the standard of living, tourist attractiveness, investment potential, etc. An effective tool in the pro-

cess of constructing a national brand is holding large-scale events: traditional festivals, international sports competitions, economic and scientific forums, development of the educational sphere. The key role in promoting the national brand belongs to the systematic work of public authorities and other interested parties with mass media, aimed at representing the country in the global communication space. According to the author, Russia has a significant potential to improve its image, the implementation of which will contribute to strengthening its position in the competition between states in the global information and communication environment.

Keywords: national branding, image of the state, place marketing, political communication, brand, soft power

Сведения об авторах

Белянин Александр Алексеевич, студент кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва; alxndr.belyanin@gmail.com

Бондарев Илья Владимирович, студент кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва; iliabondarev39@gmail.com

Бусыгина Анастасия Васильевна, студентка кафедры культуры, мира и демократии факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва; stukkol@gmail.com

Донцев Сергей Павлович, кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва; dontsev@gmail.com

Драницына Анастасия Павловна, студентка кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва; anastasia.d1004@mail.ru

Канифатов Матвей Артемович, студент кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва; makanifat@gmail.com

Манохина Алина Владимировна, студентка кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва; yar.kary2015@gmail.com

Никольский Макарий Александрович, студент кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва; makariy.nikolskiy@mail.ru

Сопот Михаил Алексеевич, студент факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва; mihhmanno1337@gmail.com

Тайрер Светлана Дмитриевна, студентка кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва; svet.lana192000@gmail.com

Ткаченко Татьяна Валерьевна, студентка кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва; Arspersone@mail.ru

Торопова Алина Игоревна, студентка кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва; Alina.toropova.99@mail.ru

Шаповалова Анастасия Владимировна, студентка департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва; anastasi.shpv@gmail.com

General data about the authors

Belyanin Aleksandr A., student of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, Moscow; alxndr.belyanin@gmail.com

Bondarev Il'ya V., student of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, Moscow; iliabondarev39@gmail.com

Busygina Anastasiya V., student of the Department of Culture, Peace and Democracy, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, Moscow; stukkol@gmail.com

Dontsev Sergei P., Cand. of Sci. (Political Science), associate professor of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, Moscow; dontsev@gmail.com

Dranitsyna Anastasiya P., student of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, Moscow; anastasia.d1004@mail.ru

Kanifatov Matvei A., student of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, Moscow; makanifat@gmail.com

Manokhina Alina V., student of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, Moscow; yar.kary2015@gmail.com

Nikolski Makarii A., student of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, Moscow; makariy.nikolskiy@mail.ru

Shapovalova Anastasiya V., student of the Department of Politics and Management, Faculty of Social Sciences, National Research University "Higher School of Economics", Moscow; anastasi.shpv@gmail.com

Sopot Mikhail A., student of the Faculty of History, Political Science and Law of the Russian State University for the Humanities, Moscow; mihhmanno1337@gmail.com

Tairer Svetlana D., student of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, Moscow; svet.lana192000@gmail.com

Tkachenko Tat'yana V., student of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, Moscow; Arspersone@mail.ru

Toropova Alina I., student of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, Moscow; Alina.toropova.99@mail.ru

Корректор *О.К. Юрьев*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Электронная версия издания
gumakcentrggu.ru

Уч.-изд. л. 6,3
Заказ № 1198

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6